

СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОМ РЕГИОНЕ

Г.М. Шаталова
(Харьковский бизнес-колледж)

В новом эшелоне развивающихся посткоммунистических обществ пристальное внимание уделяется развитию постсоветских государств. Спустя почти 10 лет от начала демократических трансформаций все отчетливее просматривается углубляющаяся дифференциация между политическими режимами стран бывшего СССР. Специфические особенности фундаментальных преобразований, происходящих здесь, современные исследователи пытаются осмыслить с помощью применения различных теоретических схем и концептуальных парадигм.

В данной статье предпринята попытка выявить некоторые процессуально-режимные особенности демократических транзитов в постсоветском регионе. На наш взгляд, можно выделить несколько основных параметров данной вариативности, в частности:

- (1) степень конкурентности политического процесса,
- (2) тип взаимодействия элит,
- (3) уровень развития "авторитарного синдрома",
- (4) геополитическую идентификацию.

Попытаемся в сравнительном ключе проанализировать обозначенные основания и определить возможные демократические перспективы постсоветских социумов.

(1). Степень конкурентности оценивает уровень политической состязательности и открытости политического процесса - является ли он высококонкурентным (т.е. существуют легальные условия для оппозиции и для честной состязательной борьбы оппозиции с властвующей элитой) или слабоконкурентным или даже неконкурентным (когда оппозиция фактически запрещена или ограничена в политических действиях, а борьба за государственную власть осуществляется "под ковром" внутри различных групп властвующей элиты). В промежуточной форме, - полуконкурентном политическом режиме власть признает демократические институты и выборные процедуры, однако различными способами (в первую очередь, административного давления, экономическим патронажем, контролем СМИ) пытается влиять на исход электорального соперничества и тем самым ограничить реальную степень открытости системы.

Таблица 1.

Конкурентность политического процесса в посткоммунистических и постсоветских государствах "третьей волны"

Степень конкурентности	Особенности политического процесса	Центральная и Восточная Европа	Постсоветские государства
высококонкурентные	открытая политическая конкуренция в рамках демократических институтов	Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, Румыния	Латвия, Литва, Эстония
полуконкурентные	попытки влияния на политическую конкуренцию со стороны власти	Болгария, Македония, СРЮгославия, Албания	Россия, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Киргизия
слабоконкурентные и неконкурентные	существенные ограничения или запрет политической конкуренции		Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Азербайджан

К первой из описанных моделей в общих чертах тяготеют политические режимы Центральной и Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, Румыния), а из постсоветских государств - Латвия, Литва, Эстония. К полуконкурентным режимам могут быть отнесены основная группа постсоветских государств (Россия, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Киргизия), а также некоторые балканские государства (Болгария, Македония, СРЮ-

гославия). Контуры неконкурентной политической модели просматриваются в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Азербайджане.

(2). Важная роль в процессе демократических трансформаций играет способ взаимодействия элит, среди которых, как правило, выделяют следующие сценарии: “войну всех против всех”, “победитель получает все”, “сообщество элит”, “войну по правилам” [См.: 1].

Таблица 2.

Элитные конфигурации посткоммунистических режимов

Способ взаимодействия	Центральная и Восточная Европа	Постсоветские государства
“война по правилам”	Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Словения	Эстония, Латвия, Литва
“сообщество элит”	Болгария, Албания, Македония	Россия (отдельные периоды правления Ельцина), Украина, Молдова, Киргизия, Армения, Грузия (при Шеварднадзе)
“победитель получает все”	СРЮгославия, Хорватия (при Туджмане)	Россия, Белоруссия, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Азербайджан, Грузия (при Гамсахурдиа)
“война всех против всех”	Босния и Герцеговина	Таджикистан, Грузия (в период гражданской войны)

Для разобщенной и “расколотов” элиты характерны минимальный уровень ценностного консенсуса и взаимодействия между ее структурными составляющими по отношению к существующим политическим институтам, что определяет преобладание неограниченной политической борьбы по принципу “войны всех против всех”. Во втором варианте (“победитель получает все”) один явно преобладающий политический актор, доминирующий над другими силами, узурпирует и монополизирует все дивиденды политического поля. В третьем варианте (при равновесии основных сил и групп акторов) возникает “сообщество элит”, сообща распределяющих дивиденды политического поля между несколькими основными игроками. Наконец, в четвертом варианте взаимодействия элит, происходит переход к “войне по правилам” между основными участниками политического поля в рамках установленных открытых электоральных процедур. При двух последних конфигурациях политические элиты хотя и тяготеют к разным конкурирующим партиям и движениям, однако придерживаются единого набора определенных правил и неписаных соглашений, касающихся функционирования политических институтов и норм политического поведения.

(3). Важной характеристикой посткоммунистических политических режимов является различные тенденции монополюльной концентрации и персонализации власти, обуславливающий развитие “авторитарного синдрома”. Последний может выражаться в “захвате властных полномочий” главой государства, становлении квазипрезидентских и президентских политических режимов, общем доминировании исполнительной власти над законодательной, установлении режима личной власти и т.д.

“Авторитарный синдром” прослеживается во всех постсоветских странах (исключение составляет балтийская группа), однако, его сущностные характеристики весьма разнятся в зависимости от конкретного проявления. В целом он проявляется в развитии той или иной конфигурации режима личной власти лидера (как правило, фигуры харизматической), сумевшего объединить вокруг себя самые разные, порой полярные элементы политической системы. При этом можно выделить три типа “авторитарного синдрома”, обуславливающий разные модели монополизации и персонализации власти в посткоммунистических и постсоветских социумах: 1) бонапартистский, 2) византийский, 3) султанистский.

Так авторитарный стиль руководства А. Лукашенко тяготеет к бонапартистскому типу, с его контролем над государственным аппаратом, опорой на силовые структуры и популистскими приемами, используемыми для обработки населения. Классическим примером бонапартистского правления может служить президентство З. Гамсахурдиа в Грузии или Ф. Туджмана в Хорватии. Образ правления Б. Ельцина в России приближался к модели византийского авторитаризма, сочетающей в себе черты светской и духовной власти, содержащей идею самодержавия, при условии

определенной корпоративной состязательности различных политических группировок при выборе руководителя государства. В то же время новый российский президент В. Путин демонстрирует отход от византийской к бонапартистской модели политического руководства.

Черты восточного авторитаризма восточного "султанистского" типа просматриваются в функционировании политических систем Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Азербайджана. Наличие "авторитарного синдрома" различного типа в постсоветских странах представлено в таблице 3.

Таблица 3

Типы "авторитарного синдрома" в посткоммунистических и постсоветских государствах

"авторитарный синдром":	"бонапартистского" типа	"византийского" типа	восточный "султанистского" типа
сильновыраженный	Белоруссия (Лукашенко) Грузия (при Гамсахурдиа), Хорватия (при Туджмане)	Россия (при Ельцине)	Туркмения (Ниязов)
средневыраженный	Россия (Путин), Словакия (Мечиар)	Грузия (Шеварднадзе), СРЮгославия (Милошевич), Албания	Казахстан (Назарбаев), Узбекистан (Каримов), Азербайджан (Алиев), Таджикистан (Рахмонов)
слабовыраженный	Польша, Румыния, Молдова	Украина, Македония	Киргизия
отсутствует	Чехия, Венгрия, Словения	Болгария, Румыния	

(4). В плане *цивилизационно-культурной идентификации* постсоветский регион - это дальняя периферия "западной" цивилизационно-культурной платформы (Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия), славяно-православный сектор центра России, Восточной и Центральной части Украины, большей части Молдавии, Белоруссия, исламский пояс Среднеазиатских государств и Азербайджана. Поэтому, с точки зрения цивилизационно-культурной идентификации все постсоветские государства достаточно четко подразделяются на зоны влияния трех ареалов (или цивилизационно-культурных платформ) 1) "евразийскую", в которой доминирует православие и существует исторические взаимосвязи с Россией; 2) "западную" (с устойчивой ориентацией на евро-атлантическую цивилизационно-культурную общность) и 3) "восточную", исторически примыкающий к исламскому цивилизационно-культурному ареалу.

Проблема демократических преобразований в рамках цивилизационно-культурной парадигмы преобразуется, таким образом, в проблему внедрения и усвоения западных (по своему происхождению) политических институтов и ценностей в иной цивилизационно-культурной среде. Уже накопленный опыт постсоветской демократизации показывает, что предпринимаемые в течение последнего десятилетия попытки привить "демократический комплекс" в странах, принадлежащих незападному цивилизационно-культурному архетипу, имеют совсем не тот результат, на который рассчитывали либералы-западники, стоявшие у истоков данного политического реформирования. То или иное цивилизационно-культурное наследие в значительной степени предопределяет как внутренние характеристики того или иного политического режима ("демократия" в Средней Азии и демократия в Прибалтике - вещи разные), так и влияет на внешнеполитическую стратегию (когда они не совпадают - например, в православной Грузии, которая после длительной исторической ориентации на Россию, сейчас пытается переориентировать свои связи на Запад, что приводит к драматическим коллизиям и конфликтам). Это обстоятельство заставило еще раз по-новому посмотреть на проблему перспективности демократических преобразований в незападных цивилизационно-культурных регионах.

Наряду с цивилизационной парадигмой в последнее время все больше исследований в области геополитики конструируется в мир-системной парадигме, где основным является различие мирового центра и мировой периферии. Основатель теории мир-системного анализа В. Валлерстайн делит все страны мира на: 1) исторически сложившиеся, или “основные”, 2) периферийные (второстепенные), 3) полупериферийные (промежуточная стадия), 4) “сильные” или сверхдержавы. Противоречие существующего мирового порядка, по мнению сторонников теории мир-системного анализа, состоит в том, что центр монополизировал процесс принятия решений, игнорируя проблемы мировой периферии. Последняя в свою очередь не в состоянии самостоятельно решать свои проблемы, т.к. само ее развитие носит навязанный извне характер.

Следовательно, основная проблема процесса демократизации в мир-системной парадигме состоит в том, как из состояния управляемого извне объекта перейти в состояние субъекта исторического творчества, соучаствующего в процессе формирования современного мирового порядка? По-нашему мнению, существует определенная корреляция между цивилизационно-культурной идентификацией и определенной позицией в отношениях “центр-периферия” современной мировой капиталистической системы (МКС). Ядро (“центр”) современной мировой капиталистической системы размещается в пределах практически одной цивилизационной платформы - евро-атлантической (“западной”). Предпринятые в 90-е годы попытки создания региональных блоков (НАФТА из США, Канады и Мексики в Северной Америке, ЕС в Европе) можно рассматривать как попытку окончательной интеграции ближней (внутренней) полупериферии западной платформы с ее последующей консолидацией и замыканием в собственных границах (и четким отделением от дальней, внешней полупериферии и периферии с иными цивилизационно-культурными характеристиками).

Поэтому цивилизационно-культурная идентификация в значительной степени влияет и даже предопределяет позиционирование того или иного постсоветского государства в мировой капиталистической системе, ее настоящее и будущее место глобальных отношениях центра, полупериферии и периферии. В этом смысле достаточно характерно перемещение трех прибалтийских государств (Эстонии, Латвии, Литвы) в течении 90-ых годов из дальней (внешней) в ближнюю (по отношению к евро-атлантическому центру) полупериферию капиталистической мир-экономики, что создает достаточные условия их будущей интеграции в состав одного из ключевых “ядровых” геоэкономических блоков - ЕС.

Таблица 4

Цивилизационно-культурная идентификация постсоветских государств и их положение в мировой капиталистической системе (МКС)

	“западная” платформа, ближняя полупериферия МКС	“евразийская” платформа, дальняя полупериферия МКС	“восточная” платформа, периферия МКС
сильно выраженная	Эстония, Латвия, Литва	Россия, Белоруссия	Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан
средневыраженная		Украина, Молдова, Армения	Киргизия, Азербайджан
слабовыраженная		Грузия	Казахстан

Суммируя все выше изложенное, следует констатировать, что, на наш взгляд, больше всего шансов на успех демократических преобразований сегодня имеют страны Прибалтики. Большим потенциалом развития демократии обладает Россия, Украина, Белоруссия, Молдова и Армения. Среди восточных государств шансы на постепенный рост демократии имеют Казахстан, Узбекистан и Киргизию. В остальных политиях успех (неуспех) подобных преобразований будет зависеть от того, насколько творчески они смогут применить у себя имеющийся в мире опыт, не нарушив своей культурно-цивилизационной самобытности.

Литература

1. Гельман В. Как выйти из неопределенности? // Pro et Contra. - 1998. - Том 3. - №3.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

М. Новиков

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

В данной статье делается попытка проследить некоторые закономерности модернизации и демократизации в контексте той парадигмы исследования всемирно-исторических процессов, которая предложена И. Валлерстайном и его школой мир-системного анализа. Как известно, И. Валлерстайн разработал принципиально новую аналитическую перспективу исследования процессов развития отдельных обществ и государств. Специфика этого подхода состоит в том, что он подчеркивает значение внешних, наднациональных и глобальных факторов развития, обращая внимание на то, что именно последние детерминируют и определяют траектории развития отдельных национальных государств.

Поэтому на первый план своего анализа И. Валлерстайн выдвигает то, что он называет современной мир-системой - особую структуру глобальных взаимоотношений, каркас которых составляет капиталистическая мир-экономика. Капиталистическая мир-экономика - это система, социально структурированная интегрированным осевым разделением труда, руководящий принцип которой состоит в непрерывном накоплении капитала. Впервые возникнув в XVI столетии, капиталистическая мир-экономика (КМЭ) основывалась на интегрированных процессах производства, которые составляли товарные цепи, не совпадающие с политическими границами [1, с. 35-36]. Общий прибавочный продукт, который извлекался из этих сетей, распределялся неравномерно, - в зависимости от структурной позиции внутри КМЭ. Внутреннее строение КСЭ предполагает существование:

- 1) *ядра* - зоны, присваивающей большую часть прибавочной стоимости,
- 2) *периферии* - зоны, утрачивающей большую часть прибавочной стоимости,
- 3) *полупериферии* - зоны, в которой соединяются оба процесса вместе.

Деятельность более прибыльных звеньев географически тяготела к концентрации в нескольких относительно небольших областях мир-экономики, которые обобщенно мы можем назвать «ядром». Менее прибыльные звенья имели тенденцию к большей географической рассеянности своих элементов, большая часть которых располагалась на значительной территории, которую мы можем назвать «периферией». Главным следствием интеграции двух данных видов производственной деятельности является перемещение прибавочной стоимости из сектора периферии в сектор ядра. Способ получения большей части прибавочной стоимости представлял собой относительную монополизацию определенного сегмента товарной цепи в силу реализации технологических, организационных, военно-политических преимуществ. Прибыль обычно получается во всех звеньях цепочки, но большая прибыль является следствием большей степени монополизации в определенном звене [2, с. 3].

Однако монополизация определенных участков товарных цепей никогда не существовала вечно - как внутри государств, так в целом и в ядре, т.к. другие производители постоянно пытались подорвать чужую монополию и установить свою. Исчерпание установившейся монополии вело к перепроизводству и падению нормы прибыли, что открывало период стагнации КМЭ. Каждый период кризиса вел к серии технологических и организационных инноваций, направленных на восстановление общей прибыли в КМЭ в целом. Важнейшим механизмом восстановления нормального для капиталистического воспроизводства уровня прибыли являлась экспансия, расширение КМЭ через «инкорпорацию» новых географических зон и регионов. Экспансия КМЭ, как функция процесса непрерывного накопления капитала, вела 1) к пролетаризации сельского населения, что опять расширяло рамки спроса и 2) воссоздавала периферийные участки товарных цепей с низкими ставками зарплаты (или вообще рабскими или крепостными) непосредственными производителями. То есть экспансия КМЭ подключала к товарным цепям новые участки резервной трудовой силы, что позволяло опять сократить издержки производства и запустить новый виток капиталистического воспроизводства [2, с. 13].

Как считает И. Валлерстайн, можно выделить следующие основные этапы развития КМЭ:

- 1) первую экспансию КМЭ в период «длинного XVI столетия», в ходе которого формируется западноевропейское «приатлантическое» ядро (Голландия, Англия, Франция), южноевропей-

ская полупериферия (Испания, Португалия, Италия) и периферия из Восточной Европы и Латинской Америки;

2) вторую экспансию в период второй половины XVII - первой половины XVIII ст., когда в зону полупериферии перемещается север США, Пруссия и Швеция и незначительно расширяется периферия, в то время, как большинство мира находится за пределами МКЭ;

3) третью экспансию в конце XVIII - начале XX столетия, в ходе которой возникает устойчивое ядро МКЭ из США, Великобритании, Франции, Германии, полупериферия расширяется за счет включения России, Японии и части Латинской Америки, а Африка и Азия включается в качестве колониальной и полуколониальной периферии.

По нашему мнению, экспансия МКЭ в интерпретации И. Валлерстайна описывает то, что в политологии и социологии называется модернизацией общества, а именно *процесс трансформации, сопровождающий переход от традиционных форм его организации к формам современным*. Под традиционным обществом обычно понимается общество аграрного типа с закрытой и статичной социальной структурой, а общество современное (общество модерна, индустриальное, постиндустриальное общество), напротив, отличается рациональной организацией и открытостью социальной структуры, способной к постоянному самообновлению. Генеральной тенденцией процесса модернизации является, как отмечал М. Вебер, всеохватывающая и бесконечная рационализация человеческих отношений и институтов. В экономической сфере модернизация принимает форму индустриализации, в политической сфере модернизация связана с формированием политических институтов национального государства, в социальной сфере модернизация связана с вытеснением отношений личной зависимости между людьми (сословного, родственного, общинного типа) более абстрактными отношениями личной независимости.

Можно выделить несколько ключевых пунктов, через которые процесс модернизации влияет и изменяет окружающий мир: 1) развитие индивидуализма, 2) экономизм, который означает доминирование над всей социальной жизнью экономической активности, экономических целей и экономических критериев 3) дифференциация социальных ролей, 3) деперсонализацию социальных взаимоотношений, 4) экспансионизм, т.е. постоянное расширение зоны охвата, в первую очередь, в пространстве, но не только, это так же и распространение вглубь, подчинение частных, интимных сфер повседневной жизни (религиозных убеждений, сексуального поведения, вкусов потребителей, сферы досуга и т.д.). В этом смысле, процесс модернизации есть своеобразный режим подключения и адаптации новых периферийных (традиционных, аграрных) регионов к структурам МКЭ. Модернизация "традиционного" общества в свете мир-системной теории - это действительно его глубокое преобразование по обозначенным выше направлениям, однако лишь с целью создания необходимых институциональных и структурных предпосылок его эффективного подключения к производственным процессам МКЭ, интеграции в центр-периферийные товарные цепи современной мир-системы.

Классическая теория модернизации выделяет так называемые "эшелоны" капиталистического развития в зависимости от способа модернизации общества:

1) первый эшелон капиталистического развития, очаг "первичной" модернизации" от которого ее импульсы распространились по всему миру находится в приатлантической Западной Европе и Северной Америке (Голландия, Великобритания, Франция, Соединенные Штаты). Его определяющей чертой является постепенность и последовательность вызревания предпосылок капиталистического развития в сфере экономики, политики и культуры;

2) второй эшелон капиталистического развития состоит из государств Центральной, Восточной, Южной и Юго-Восточной Европы, Турции, России, Японии, некоторых государств Латинской Америки (Аргентины, Чили, Уругвая). Для этой группы государств характерна "догоняющая модернизация" не столько в результате их внутренней эволюции, сколько под влиянием извне, со стороны "центров" модернизации. Недостаточная развитость внутренних предпосылок капитализма "снизу" (в силу преобладания докапиталистических отношений) стимулировалась энергичными действиями со стороны государства "сверху".

3) в третий эшелон капиталистического развития входят развивающиеся государства Азии, Африки и Латинской Америки, в которых вообще изначально не существовало собственных предпосылок капиталистического развития. Для этого эшелона капитализма характерна "зависимая модернизация", сначала через колониальную систему, а потом через механизмы неоколониального развития ("анклавного" включения в систему мирового рынка в качестве постав-

щиков сырья и сельскохозяйственных продуктов в центры капитализма, потом места дешевого производства продукции массового потребления и т.д.). В настоящее время ряд стран третьего эшелона по целому ряду показателей социально-экономического развития вплотную приблизился к странам второго эшелона и даже вошел в их группу: это прежде всего страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии (Индия, Китай, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия), а также Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Уругвай, Чили).

По нашему мнению, существует очевидная взаимосвязь между эшелонами капиталистического развития и этапами экспансии КМЭ по И. Валлерстайну. Во-первых, эшелоны капиталистического развития постоянно воспроизводят один и тот же структурный паттерн взаимоотношений: ядро (первый эшелон), полупериферия (второй эшелон) и периферия (третий эшелон). Во-вторых, соотношение ядра, полупериферии и периферии является подвижным и изменяется во времени. В этом смысле, три этапа экспансии КМЭ И. Валлерстайна есть прежде всего три этапа перестройки отношений между ядром и периферией системы, что отражается в неравномерности и волнообразности импульсов модернизации (т.е., инкорпорации новых регионов в КМЭ) и формировании эшелонов капиталистического развития.

Однако, кроме взаимосвязи этапов экспансии КМЭ и эшелонов капитализма, существует их более сложная зависимость с этапами демократизации КМЭ, которая получила выражение в теории "волн демократизации". Концепция "волн демократизации", разработанная, среди прочих, С. Хантингтоном и Р. Далем, вписывает процессы утверждения современных демократических институтов не только во всемирный контекст модернизационных преобразований, но и в этапы экспансии КМЭ.

С. Хантингтон дает определение демократической волны как «серии переходов от недемократических к демократическим режимам, которые происходят в рамках определенного периода времени и которые по численности значительно превосходят переходы в обратном направлении за этот же период» [3, с. 15]. По его мнению, распространение демократии в мире происходило тремя этапами, причем на каждом из них этот процесс затрагивал разные группы стран, а за расширением ареала демократии (подъема демократизации) следовало его некоторое сокращение (откат демократизации):

-- первая длительная волна демократизации начинается в 1828 и идет по 1926 г., приводя к установлению демократических институтов сначала в США, Великобритании, ее заморских доминионах (Австралии, Новой Зеландии, Канаде), Франции, Италии, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах, скандинавских государствах и Аргентине, а после первой мировой войны - в государствах, возникших на обломках Российской, Австро-Венгерской и Германской империи (Чехословакии, Венгрии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы), а также Ирландии, Исландии, Испании, Португалии, Уругвае, Чили; обратная реверсивная волна 1922-1942 начинается в Италии с приходом к власти Муссолини, после чего доминирующей тенденцией мирового развития становится возвращение к различным формам авторитарного правления (Германия, Япония, Испания, Португалия, Польша, Прибалтика, государства Латинской Америки).

-- вторая короткая волна демократизации начинается в 1943 и продолжается по 1962 гг., толчок для ее развития стала победа союзников во второй мировой войне и процессы деколонизации 1960-х годов, когда демократический строй был установлен в Германии, Италии, Австрии, Японии, а к демократии перешли многие страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Уругвай, Коста-Рика, Колумбия, Перу и Венесуэла) и Азии (Индия, Шри Ланка, Малайзия), наконец, во многих постколониальных государствах Африки были сделаны попытки введения демократической формы правления, которые практически все оказались хрупкими и неустойчивыми. На 1958-1975 гг. приходится вторая "откатная волна", связанная с крушением демократических режимов и военными переворотами в Латинской Америке, Африке и Азии: прежде всего, она накрывает Латинскую Америку (Бразилию, Боливию, Аргентину, Перу, Эквадор, Чили и Уругвай), но также и Азию (Пакистан, Южную Корею, Индонезию, Турцию, Филиппины) и Африку, где только одному государству из 33 получивших независимость - Ботсване, - удалось сохранить непрерывное демократическое устройство;

-- третий подъем или "глобальная демократическая волна" начинается в 1974 г. с падения авторитарного режима в Португалии, а потом в Греции и Испании, после чего волна демократизации перекинулась на страны Латинской Америки, а после 1989 г. и на государства социалистического блока. 1989 год становится годом "бархатных революций" в Венгрии, Польше, Чехослова-

кии, Болгарии, в 1991 году происходит распад СССР и возникает целая серия новых независимых государств, которые заявляют о своем демократическом выборе (среди них Россия, Украина, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, и др.). В немалой степени стимулированная демократическими преобразованиями в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, "третья волна" в конце 80-ых и в начале 90-ых повторно проходит по Латинской Америке, Азии и Африке.

Как связаны указанные волны демократизации с эшелонами капиталистического развития и этапами экспансии КМЭ И. Валлерстайна? Прежде всего, следует отметить то, что данные волны следует трактовать не столько как волны "демократизации", сколько как *волны распространения либеральной геокультуры*, которая, собственно и возникает в середине XIX столетия (И. Валлерстайн отмечает особое значение "всемирной революции" 1848 г.) как способ стабилизации социально-политической системы капиталистического общества через интеграцию в нее "опасных классов" (превращения части пролетариата в средний класс). Ключевыми элементами этой стратегии являлись реализация "всеобщего избирательного права" и строительство "государства всеобщего благосостояния". Поэтому то, что получило у С. Хантингтона наименование первой волны демократизации (которую он как раз и связывает со снятием различных цензов и ограничений для участия в политическом процессе и установлением политических институтов современного государства в середине - второй половине XIX столетия), в сущности представляет из себя первую волну распространения либеральной геокультуры. Специфика второй волны экспансии либеральной геокультуры, которая наступила после 1945 г., состоит в попытке адаптации ее принципов к деколонизируемым обществам Азии и Африки, что трансформируется в идею "самоопределения наций" и экономического развития ("вестернизации"). Третья волна распространения либеральной геокультуры, заполнив существовавшие "лакуны" в Южной Европе и Латинской Америке, оставшиеся от предыдущих волн, в настоящее время нацелена прежде всего на включение стран Восточной Европы и бывшего СССР в структуры КМЭ, перестройку существующих там политических структур таким образом, чтобы они могли функционировать по правилам межгосударственной системы современной КМЭ.

Проследивая взаимосвязь эшелонов развития капитализма с волнами демократизации, можно обнаружить достаточно четкую закономерность наступления реверсивной волны "демократического отката" как раз прежде всего в периферийных и полупериферийных регионах. С точки зрения МСА, это вполне закономерно, так как включение этих зон в КМЭ приводит к дестабилизации и глубокому кризису традиционной или полутрадиционной структуры данных обществ. Внедрение различных форм демократической государственности на периферии и полупериферии КМЭ оказывается, как правило, не очень продолжительным и хрупким, очень часто лишь усугубляющим глубокий системный кризис этих регионов, т.к. "расколота" процессами "вестернизации" полутрадиционная политическая и экономическая элита этих обществ подчиняет политические институты демократического государства логике борьбы по достижению своих частных целей и интересов. Соединяясь с политической активностью недовольных деклассированных и маргинализированных масс, впервые получивших легальный доступ влияния на политический процесс (через выборы, митинги и т.д.) данный тандем рано или поздно "сметает" демократические институты, заменяя их различного рода авторитарными, тоталитарными, военнотеррористическими или просто традиционными формами правления.

Схема чередования волн демократизации и реверсивных волн ее отката, предложенная С. Хантингтоном как раз и отображает принципиальное различие "эффекта демократизации" в ядре и периферии КМЭ: положительную взаимосвязь в центре, и обратный негативный эффект отторжения на окраине. Стабильной и необратимой демократизация становилась, по крайней мере, лишь тогда, когда то или иное полупериферийное государство окончательно интегрировалось в состав ядра КМЭ (например, Германия, Италия и Япония в ходе лишь второй хантингтоновской волны после 1945 г., Южная Европа - Испания, Португалия, Греция, - лишь в ходе третьей волны в 1970-80-е годы и т.д.)

Пожалуй, анализ процессов демократизации в контексте теории И. Валлерстайн позволяет даже высказать предположение о том, что не является ли демократия (и ее политические институты) атрибутом и привилегией лишь ядра КМЭ, - по крайней мере, лишь нахождение там гарантирует наличие необходимых ресурсов для ее поддержания (достаточных для вознаграждения "среднего класса", функционирования "государства всеобщего благоденствия" и т.д.). Вообще, возможно, что демократия - это роскошь, доступная лишь немногим - тем, кто способен ее

“оплачивать”, и поэтому она всегда предполагает существование другого полюса - резервуара ресурсов, который поддерживает его функционирование (можно вспомнить и афинскую рабовладельческую демократию V века до н. э., и Британскую колониальную империю XIX века). Что же будет служить такой основой для “демократического ядра” КМЭ в XXI веке? Не те ли регионы, которые сейчас охвачены третьей глобальной волной распространения либеральной геокультуры?

Литература

- 1 Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. Реферативный сборник. - М.: ИНИОН РАН, 1998.
- 2 Валлерстайн I. Міждержавна структура сучасної світ-системи // Вісник ХДУ. Питання політології. - 1998. - №412. - С.3-14.
- 3 Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. (Norman: Oklahoma University Press, 1991).

ІНСТИТУТ ДЕРЖАВИ НА ГРЕБЕНІ ТРЕТЬОЇ “ХВИЛІ”: СТРУКТУРНО-ФУНКЦІОНАЛЬНА СПЕЦИФІКА

В.О. Шевчук

(Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна)

Однією з найяскравіших специфічностей третьої “глобальної хвилі”, інтригою і віссю напруження її дискусивно-теоретичної рефлексії є амбівалентність ролі держави в реалізації демократичного транзиту. Одна її сторона зв'язана з вельми широко поширеним поглядом про значну позитивну функціональність держави в конструюванні і інституціоналізації модерністських соціополітичних структур у західно-європейському досвіді і об'єктивній необхідності ще більшого її нарощування в “третинній” моделі модернізації через наявність в ареалах її здійснення причин, більшість з яких складається у дві провідні групи: відсутність раціонального ринкового механізму і зародковий стан громадянського суспільства. Не піддаючи сумніву серйозність аргументів, слід, однак, відзначити, що сама постановка питання, очевидно, має бути скорегована, тому що в теперішній своїй редакції вона дезавує наявність відмінностей між “первинною” або навіть “вторинною” і “третинною” моделями модернізації, що в принципі є серйозним недоліком, тому що відмінності між східною державою і західною (включаючи і таку її історико-еволюційну модифікацію як абсолютна монархія) не просто є, а й носять структурний характер. На це звернув увагу ще М. Вебер. Тому, відзначаючи наявний у Європі факт сприяння абсолютистської монархії розвитку конкурентної капіталістичної системи економіки і становленню раціонального ринкового механізму, він спеціально уточнює, що ця влада мала вже бюрократично-раціональну структуру [3, с. 643].

Зовсім інша справа - держава “третинної” моделі транзиту. Звичайно прибічники гіпертрофії його функціональності в перехідних процесах “третьої хвилі” наводять як “убивчий” аргумент уже зведений у ранг “класики” приклад нових індустріальних країн Азії, де державне втручання дійсно зіграло визначальну роль у каталізації і реалізації модернізаційного прориву. При цьому знов-таки випускається з уваги те, що в цьому випадку мова може йти тільки про вузьке трактування модернізації або, інакше кажучи, про економічний бік транзиту, який у сучасній інтерпретації цих процесів першорядним не може бути у принципі, через те що, як слушно виклав це розуміння В.А. Зарін “модернізація це не стільки досягнення сучасних стандартів споживання чи організації масового виробництва на базі індустріальної технології, скільки створення раціонального ринкового механізму суспільного відтворення та диференційованих інститутів регулювання соціальних конфліктів, тобто системи, здатної до адаптації у відповідь на зміни внутрішніх чи то зовнішніх умов рівноваги і самонастроюванню” [4, с.18]. Успіхи ж “малих азіатських тигрів” у цій сфері виглядають не такими вже й вражаючими, і тому репрезентативність їхнього досвіду з цього питання досить сумнівна. Можна сказати, що за великим рахунком єдине, що поки що відокремлює їх від інших учасників транзиту, є відносно висока результативність динамізації економічного росту. Що ж стосується аналітики досягнень інших досить активних, але менш успішних в цьому відношенні держав, то тут слід відзначити, що один з найвідоміших

західних спеціалістів з данної проблематики Г. Мюрдаль, ще у 60 роки звернув увагу на пов'язаність властивої для них розбіжності між теорією і практикою модернізації, яке зумовлює кризовість їх економічного розвитку, з існуючою там структурою державної влади [6, с. 188-189]. І для повноти картини слід додати, що, як ні парадоксально це чути на тлі зовнішнього порівняльного добробуту, саме цю тенденцію виявила східно-азіатська криза 1998 року на матеріалах нових індустріальних країн.

Для того, щоб зрозуміти, що і криза, і сама виявлена тенденція мали об'єктивний характер, слід звернутися до вже наведеної веберівської аналітики цієї проблематики і нагадати його висновок про блокуючий вплив патримоніальної структури держави на формування автономного раціонально-ринкового механізму і залишаючий життєвий простір тільки для політично орієнтованого капіталізму [3, с. 643-647]. Стає зрозумілим також, що у світлі вищезазначеного особливості перебігу перехідних процесів на більшій частині посткомуністичного ареалу виявляються цілком закономірними, матеріалізуючи, таким чином, другу сторону амбівалентності ролі держави. Очевидно, що фактично зведена до амбівалентності проблема, що розглядається у площині позицій опонентів, вибудованих на підґрунті аргументованого акцентування однієї з її граней, з наукової точки зору, є досить безперспективною. Відправною точкою її корегування, гадаємо, має стати привертання уваги до того факту, що очищена від минулого ідеологічного "флера" держава за нових умов легітимізує гіпертрофію своєї функціональності задачами транзиту та статистськими тенденціями розвинутих ринкових систем, дискурсивно камуфлюючи принципову розбіжність і структури державної влади, і політичного порядку, структурованого нею. Як бачимо, у змістовному контексті і у відповідності до сучасного розуміння модернізації проблема ролі держави перш за все повинна включати аналітику характеру структури державної влади, здійснюючи транзит, а також можливостей, шляхів і форм її трансформації.

В цьому плані для більшої частини посткомуністичного матеріалу є типовим те, що вичерпування потенціалу практикування тоталітаристських технологій і практик структурування соціополітичних процесів не спричинило нормативну нейтралізацію стрижневого архетипу пірамідально-недиференційованої влади, інакше кажучи, не поставило під сумнів адекватність орієнтації на цілі максимізації панування держави новопродекларованим принципам організації політичного простору. Збереження практики функціонального опертя посткомуністичної держави переважно на адміністративні інститути, тобто на "апарат", і ігнорування суто політичних свідчить про стійке відтворення його традиційної східно-патримоніальної структури. Характеризуючи її, Л. Васильєв відзначає, що держава цього типу, на відміну від західного (як модерного, так і античного), структурується не як провідник волі більшості населення або пануючого економіко-соціального класу. Будучи суб'єктом власності, вона не потребує власної соціально-економічної бази, і виступаючи в іпостасях "держави-класу" або "держави-апарату" "вона в особі апарату влади сама виконує функції і грає роль панівного класу" [1, с. 70-71]. У транзитивному дискурсі, пануючої в ньому оцінці посткомуністичного реформування (і приватизації як найбільш акцентованої його ланки, зокрема) це знайшло відображення в одному з найбільш популярних і розхожих парадоксів – феномені того, що "держава сама себе приватизувала" [2, с. 32]. Цілком очевидно, що від парадоксу не залишається і сліду, якщо розглядати його у контексті парадигми, що пропонується. Більш того, тут він як наслідок виділених процесів виглядає найбільш вірогідним, логічним і послідовним. Випромінювана патримоніальною сутністю цієї структури претензія на надсупільну піднесеність і універсальну всюдисущність в посткомуністичному транзитивному ареалі легітимується задачами модернізації, проте практично реалізується традиційно – стягуванням у функціонально-прерогативну сферу держави політико-адміністративних, економіко-управлінських, соціо-організаційних і т.п. регулюючих повноважень, закріплюючи їх за центром забезпеченням монополії останнього на позиції контролю над відповідними видами ресурсів.

Крайня концентрація політичних, економічних та символічних ресурсів у центрі викриває "кумулятивний" характер його інституціональних структур, який властивий політичним утворенням традиційного типу. Симбіозна взаємодія влади і власності, злиття економічної і політичної ідентичностей реалізаторів владних прерогатив обумовлює закладення в основу державного управління економічного інтересу і принципу вторинності власне політичних цілей. Особливо рельєфно це виявляється у структуруванні посткомуністичного політичного ринку, ключовим і найбільш розвинутим сектором якого, часто підкорюючим собі всі інші, є міжклановий торг "за

вплив і контроль над державною політикою економічних преференцій" [5, с.30]. Вельми симптоматичним є також постійне спливання в посткомуністичному дискурсі питань про ступінь самостійності політики як сфери суспільної життєдіяльності через неприховане зміщення акценту з проблеми організації влади як такої на інтереси власності та безпосередню реалізацію приватної економічної мотивації. Крім того, окреслена система орієнтації, яка має безумовно патримоніальну забарвленість, зумовлює зведення держави переважно до функції витягання, накопичення і розподілу різноманітних типів ресурсів, що з погляду універсальних принципів політики виявляє діяльність центру вкрай беззмістовною. Враховуючи, що цілеспрямована примітивізація політики є відповідною реакцією на прогресуюче ускладнення дійсності управлінських механізмів монолітного, пірамідально-недиференційованого типу, тільки мультицентралізація владно-інституціонального поля, формалізація і структурна диференціація функціональної сфери (перш за все розчленування "влади-власності" і автономізація структур управління економічними та політичними спільнотами) дозволять не тільки сконструювати ринок з іманентною логікою функціонування і зворотним "раціоналізуючим ефектом", а й надати змістовний вимір безпосередньо самій посткомуністичній політиці.

Література

1. Васильев Л.С. Что такое "азиатский" способ производства? // Народы Азии и Африки. - 1988. - №3.
2. Виленская Э.В., Дидоренко Э.А., Розовский Б.Г. Постсоветское реформирование: Западные образцы и украинские реалии: Монография. - Луганск : РИО ЛИВД, 1998.
3. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verschehenden Soziologie. - Tübingen: Mohr, 1980.
4. Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV - XIX в.в.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка). - М.: Наука, 1991.
5. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. - 1998. - №2.
6. Мюрдаль Г. Современные проблемы "третьего мира". - Пер. с англ. Общая ред. докт. эк. наук проф. Р.А. Ульяновского. - М.: Прогресс, 1972.

ДІЯ МОДЕЛІ "ЦЕНТР - ПЕРИФЕРІЯ" У ПОЛІТИЧНОМУ ПРОСТОРИ УКРАЇНИ

Т.В. Кучеренко

(Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна)

Серед західних дослідників використання моделі "центр - периферія" як по відношенню до Європейського макрорегіону, так і до окремих європейських країн продемонстрував у своїх працях С. Роккан [1], а серед російських дослідників спроби аналізу державного будівництва пострадянських країн через цю модель були здійснені Р.Ф. Туровським [6]. Ієрархізація регіонів, яка викликана нерівномірністю розподілу по території функцій управління політичними процесами і продуціювання політичних інновацій, є об'єктивною реальністю і для сучасної України.

Відповідно до моделі "центр-периферія" (або використовуючи тріаду Валлерстайна "центр – напівпериферія – периферія") структура країни має такий вигляд: керівний центр (столиця), субцентри або адміністративні центри, які мають обмежені функції самоврядування, і підлегла периферія, де функції місцевого самоврядування ще більш обмежені. Найважливішою структурною одиницею країни є столиця, політичний центр держави по відношенню до якого визначається внутрішня структура і ієрархія держави. Столиця – фокус політичної активності в країні, осередок основних владних органів держави та символ влади в суспільстві, лідер у вирішенні політичних задач та, як правило, у продуціюванні політичних інновацій. Столиця України цілком відповідає наведеним характеристикам, і взагалі європейській моделі столиці, яка на відміну від американської моделі не спеціалізується лише на виконанні політико-адміністративних функцій, а виступає центром прийняття рішень, який займає домінуюче положення у політиці, культурі та економіці країни. Ієрархічність територій в державі зазвичай обумовлена економічними показниками, що знаходить відбиття в теорії внутрішнього колонізму. За даними Національного інституту стратегічних досліджень, спеціалісти якого виділили

п'ять груп областей за рівнем соціально-економічного розвитку, до областей з високим рівнем потрапили Запорізька, Дніпропетровська, Київська; з рівнем вищим за середній – Полтавська, Донецька, Харківська, Львівська, Луганська, Черкаська, Миколаївська [5, с.37]. Саме у більшості обласних центрів наведених територій є підстави називатись субцентрами або напівпериферіями. Решта ж областей відповідно до досліджуваної моделі підпадають під характеристики периферії.

Отже, в межах політичного простору України знаходить відбиття тріада Валлерстайна – “центр – напівпериферія – периферія” і не лише вона. Також політичний простір України можна описати з урахуванням концепції територіального градієнту, яка фіксує послідовне нарощування показників при русі в одному напрямку від центру і фундаментальні розбіжності між північчю та півднем або заходом і сходом. Валлерстайн на рівні європейського макрорегіону розглядав градієнт “північ - південь”, визначивши у європейській світ-економіці XVI сторіччя наявність південно-західного ядра, південної напівпериферії і східної периферії. [2]. Для України на сьогодні без сумніву має сенс переважно розглядання територіальних градієнтів “центр-схід” і “центр-захід” з наростанням показників у економічній, політичній та культурній сферах.

Саме центр визначає умови: напрямки розвитку території, які знаходять своє відображення у рішеннях, що приймаються в центрі, і у бюджетній політиці (субвенції і дотації). Натомість, дотаційність не сприяє розвитку економічної активності регіонів. Области, що отримують дотації звикають до режиму іждивенчества, їх економіка потребує все більше і більше зовнішніх впливів, що в свою чергу посилює залежність регіону від центру.

Останнім часом все більшої значущості в суспільстві набувають питання регіонального розвитку, обговорюються концепції регіональної політики, зустрічається все більше посилок на процеси регіоналізації Європейського Союзу, ідеалізується принцип субсидіарності, який проголосила європейська спільнота тощо. Але слабким місцем як і раніш залишаються економічні підвалини розвитку регіонів, значущість яких демонструє модель “центр – периферія”. Розглянемо, яким чином здійснюється регіональна політика з точки зору її економічного підґрунтя.

В проблемі формування фінансової бази регіонів виділяють вертикальний і горизонтальний аспекти [4, с.30]. Вертикальний аспект пов'язаний з розподілом податкових зборів між центром і регіонами, а горизонтальний стосується безпосереднього розподілу надходжень між регіонами. Щодо вертикального аспекту, то бюджет того чи іншого регіону формується за рахунок місцевих податків і фіксованих ставок відрахувань окремих видів загальнодержавних податків, причому доля місцевих податків складає незначну частину податкових доходів регіональних бюджетів - не більше 10% [3, с. 35]. Нормативи відрахувань від загальнодержавних податків і зборів до бюджетів органів регіонального і місцевого самоврядування рік у рік зазнають істотних змін. Так, у 1991 році всім областям України було встановлено єдиний норматив від податку на прибуток підприємств – 13%, у 1992-1993 його диференційовано по областях від 20% до 100%, 1994р. – 50%, 1995 – 70%, 1996-1998 – 100%, 1999-2000 – 50% (за матеріалами фінансового управління Харківської обласної держадміністрації). Крім податку на прибуток підприємств до загальнодержавних податків, які підлягають відрахуванню до місцевих бюджетів належать податок з громадян, акцизний збір, а до 1996 року включно належав податок на додану вартість.

Щодо горизонтального аспекту, то довгий час в бюджетній політиці України панував підхід однакового фінансового забезпечення усіх областей за рахунок перекачування коштів з одних регіонів в інші, причому більше за все були “ображені” східні регіони. Звернення до Законів України про Держбюджет, свідчить, що у 1993 році 16 областей здійснювали додаткові відрахування в центр; в 1997 кількість таких областей скоротилась до семи. А в 1999 році проблема регіонів-донорів була вирішена досить радикально: одиниці відрахувань від податкових надходжень до центру збільшились настільки, що всі регіони, крім Києва, стали збутовими. Але “ображені” регіони залишилась і ідея “регіональної справедливості” набула нового сенсу.

Хоча з 1999 року субсидії надаються усім областям крім Києва, але їх суми значно коливаються в залежності від регіону. Співвідношення доходів і витрат регіонів демонструє, що розмір дотацій, які надаються для покриття дефіцитності бюджетів, складає від 0,14 до 50,54% [7, с. 53] від загальної суми витрат того чи іншого регіону. Отже проблема “регіональної справедливості” відтепер пов'язана з розміром сум субсидій, які надаються регіонам з державного бюджету. Крім того існує показник – бюджетна забезпеченість жителя регіону, який також фіксує усі прояви “регіональної несправедливості”

При співставленні показників бюджетної забезпеченості на одного жителя регіону і питомої ваги субсидій в бюджетах областей можна виявити наступні закономірності. Майже всі адміністративні одиниці, де показник бюджетної забезпеченості на 1 жителя області перевищує загальний показник по країні отримують значні дотації. До речі, серед таких областей – переважно правобережні. Зокрема, питома вага дотацій в бюджеті Житомирської області, яка займає за бюджетною забезпеченістю друге місце по країні, 50,18%, в Закарпатській області (третє місце за бюджетною забезпеченістю) – 50,54%, в Волинській і Кіровоградській області (за бюджетною забезпеченістю розділяють 5 місце) відповідно 48,62% і 46,8% тощо. Щонайменші дотації отримують Полтавська (0,14% від витрат) і Харківська області (1,76%).

Таким чином, нерівність бюджетної забезпеченості регіонів у багатьох випадках визначається політикою центру щодо надання дотацій. Отже, в реаліях сучасної України політика субсидування часто має за мету не подолання дефіцитності місцевих бюджетів, а визначення відповідного балансу відносин “центру – периферії” заради збереження існуючої ієрархічності територій.

До речі, не завжди діє схема – чим менше надходжень з Києва, тим більше самостійності, і регіони, до яких надходять щонайменші дотації часто не мають переваг щодо самостійності перед своїми дотаційними сусідами.

Досягнення оптимального співвідношення та взаємозв'язку економічної ефективності та соціальної справедливості при бюджетному перерозподілі коштів не відповідають столичним інтересам. Розвиток субцентрів держави може похитнути лідерство столиці у вирішенні управлінських задач і продуціюванні політичних інновацій. Тому не дивно, що Харківська область, яка за подушним виробництвом валового внутрішнього продукту займає шосте місце в державі, по мобілізації доходів 3, по бюджетним видаткам у 1999 році посіла лише 19 місце, в тому числі по освіті – 24, охороні здоров'я – 11, культурі – 7 (за матеріалами фінансового управління Харківської обласної держадміністрації). Хоча у проекті бюджету на 2000 рік по доходах область займає 3 місце, а по видатках перемістилась з 19 на 12, питома вага бюджету Харківської області в зведеному бюджеті України, а також фактичні територіальні надходження до бюджету області зменшились.

Література

1. Rokkan S. Economy, Territory, Identity. Beverly Hills: Sage, 1983.
2. Wallerstein I. The Modern World-System. Capitalist Agricultural and the origins of the European World-Economy in the sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974.
3. Кириленко О. Зміцнення доходної бази місцевих бюджетів// Фінанси України. – 1996. - №9, - С. 35-39.
4. Онегина В. Механизм распределения налоговых поступлений и региональное развитие // Регион: проблемы и перспективы. - 1997. - №5-6. - С. 30-34.
5. Симоненко В.К. Регионы Украины: проблемы развития. - К.: Наукова думка. - 1997, - 262 с.
6. Туровский Р.Ф. Политико-географический анализ политического процесса: теоретико-методологические аспекты. - Автореф. дис., М., 1995.
7. Чумаченко Н. Проблемы региональной политики в Украине// Людина і політика. - 1999. - №3, С. 50-56.

УКРАИНА НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА: АСПЕКТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.В. Крысенко

(Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина)

Наступление ХХІ века знаменует собой переход к новой концептуальной парадигме международных отношений, к новым методам и стилям ведения внешнеполитических действий. Культурно-экономические и социально-политические проблемы, которые в данный момент стоят перед человечеством не соответствуют духу “послеялтинского” мироустройства. Крах СССР и разруше-

ние биполярной модели мирового порядка выстроили по новому конфигурации трансрегиональных и субрегиональных осей внешнеполитического сотрудничества. Во многом изменились характер мировой экономики, количественный и качественный состав международных акторов, по иному структурировано внешнеполитическое поле. В таких быстроменяющихся и усложняющихся внешнеполитических условиях предстоит обустройство украинской государственности.

В первые годы строительства украинского государства в политическом дискурсе было заметно преобладание оптимистических прогнозов по поводу формирования имиджа Украины как европейского государства, выработки идеи национальной идентичности, занятия собственной оптимальной ниши в глобализирующемся мировом пространстве. В сложных условиях ожидания экономической и политической помощи со стороны Европы и США, Украина была вынуждена стать безъядерным и внеблоковым государством, уйти с некоторых рынков и снизить долю военно-промышленного экспорта в страны с режимами противостоящими США и Западной Европе. Взамен получила несравненно меньше, а также бремя необходимости проведения внешнеполитического курса "баланс сил".

Вскоре после обретения Украиной независимости, из-за уникальности ее геополитического положения, перед странами-акторами внешнеполитического поля, встала задача получения рычагов влияния на проводимую стратегию строительства украинского государства. В условиях постоянно увеличивающихся темпов роста внешнеполитической конкуренции, наличие контроля над геополитической зоной Украины дает возможность осуществлять влияние на систему безопасности Евразии, на включение Украины в "пояса стабильности" и "санитарные кордоны". В Украине пересекаются европейские, американские, переднеазиатские и российские интересы и потому вопрос о стратегическом военно-экономическом партнерстве до сих пор является нерешенным. Украина, по сути, находится на рубеже двух ареалов, отличных и даже противостоящих в политических и идеологических отношениях, - Запада и Востока. В таких условиях Украина вынуждена строить свою внешнюю политику на основе многовекторности, с элементами приоритетных двухсторонних отношений со странами ближайшего окружения и стратегическими партнерами. Такая стратегическая доктрина не может не осуществлять влияние на географию экономических и прочих международных связей.

Глубоко проникающая и прогрессирующая научно-технологическая рецессия в народном хозяйстве страны не дает возможности для осуществления широких внешнеполитических маневров. Среди представителей украинской политической элиты бытует мнение: "Наши интересы там, где наши рынки", следовательно, и система внешнеполитической безопасности в первую очередь должна быть закреплена устоявшимся внешнеэкономическим сотрудничеством. Из-за сложности осуществления т.н. "тройного" перехода (формирование демократической модели политического режима, переход к рыночным отношениям в экономике, строительство национального государства) затруднена стабилизация народно-хозяйственного комплекса Украины, а значит эффективная внешнеэкономическая деятельность практически невозможна.

Вследствие стечения ряда обстоятельств, Украина во многом стала зависимой от позиции международных финансовых организаций (МВФ, ЕБРР, ВБ), а т.к. направленность и действия этих организаций контролируются западной политической элитой, то, следовательно, это и обуславливает актуальность западного вектора украинской внешней политики.

Глубокий социально-экономический кризис, поразивший народно-хозяйственный комплекс и финансово-кредитную систему породил многостороннюю и многосекторную зависимость Украины. В первую очередь, это экономическая зависимость от России (на долю России приходится около 20 % украинского экспорта), затем не менее серьезная энергетическая зависимость (до сих пор не диверсифицированный энергорынок Украины полностью зависим от поставок российских энергоносителей). Далее как я уже упоминал финансовая и научно-технологическая зависимость от развитых постиндустриальных стран. И как логическое следствие - политическая зависимость Украины от целей и интересов государств, определяющих ее социально-экономическое состояние.

Находясь в такой системе многосторонней зависимости, Украине все дороже и сложнее удастся маневрировать во внешнеполитическом пространстве, все чаще ее начинают относить к "серой зоне" Европы. Недостаток элемента самостоятельности во внешнеполитической деятельности, а также боязнь попасть в т.н. буферную зону, оказаться под "обстрелом" как с Запада, так и с Востока - вынуждают Украину выйти из этих "клещей" меридианного давления.

В реальной практике это будет означать следующее: выбор Украиной патронажного блока государств или государства-патрона, для снижения собственных внешнеполитических и внешнеэкономических издержек. В ситуации выхода из "клещей" внешнеполитического давления просматриваются определенные метаморфозы и альтернативы осуществления такого макровыбора:

1. Переход под протекторатные отношения с Россией, вхождение в ее геополитическую зону, конечно при условии ее экономического подъема и осуществления демократических преобразований. В случае выбора такого варианта, Украина уступает часть своей внешнеполитической и внешнеэкономической самостоятельности в пользу российского геополитического полюса, но зато вместе с достаточно сильной Россией получает возможность без особых издержек интегрироваться в Европейское сообщество. Россия в таких условиях берет на себя роль "промоутера" Украины, т.е. агента, который будет формировать ее внешнюю политику, защищая при этом от внешних неурядиц, а Украина в свою очередь должна открыть свое пространство для свободного функционирования экспортно-импортных коридоров, информационно-коммуникационных сетей и финансовых каналов, связывающих Россию с Европой. В такой ситуации именно степень возможной открытости и политической самостоятельности определит выигрышность этого варианта.

2. Вхождение в геостратегическую зону США, сосредоточение на приоритетности украинско-американских отношений, как стратегических партнеров, политическое и экономическое дистанцирование от России. Вместе с этим проведение политики интеграции в Европу, но максимально возможное избежание вхождения в германскую геоэкономическую зону. При условии существования мирового американского господства такая стратегия достаточно привлекательна, но недавние события на Балканах поставили под вопрос статус США, как ничем не сдерживаемую "гипердержаву". Стратегические ошибки, которые допустили США на Ближнем Востоке и Балканах показали неспособность Соединенных Штатов адекватно реагировать на происходящие в мире процессы, а наличие существующих тенденций позволяет предположить о снижении потенциала американского стратегического маневрирования. В таких условиях, для Украины, имеющей значительную удаленность от американского континента, не представляется необходимым вхождение в геостратегическую зону США, т.к. последние не смогут обеспечить гарантированной безопасности.

3. Вхождение в геоэкономическую зону Германии, увеличение темпов евроинтеграции с охлаждением украинско-российских и украинско-американских отношений. Одновременно усиление украинско-польского сотрудничества и выход на крупные энергетические рынки Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона, посредством усиления трансрегиональной роли ГУУАМ. В краткосрочной и среднесрочной перспективе такой сценарий маловероятен, т.к. связан с высокой долей транзакционных издержек, слабой заинтересованностью Европы в Украине, политической слабостью и неопределенностью ГУУАМ, как союза. Также при условии усиления украинско-польского сотрудничества и сохранения, безвизовости пропускного режима на украинско-польской границе потребуются делимитировать, и демаркировать украинско-российскую границу и установить на ней визовый пропускной режим. Установление такого режима в краткосрочной перспективе очень затруднительно и не послужит улучшению украинско-российского сотрудничества, ухудшатся политико-экономические отношения, что крайне негативным образом отразится на экономике Украины. В такой ситуации развития международных отношений данный вариант внешнеполитической деятельности не выглядит привлекательным. Ухудшение экономической ситуации и без того экономически слабой и нестабильной украинской геостратегической зоны может повлечь за собой усиление социальной напряженности, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

4. Отказ от крупных геополитических игр, сохранение Украиной статуса внеблоковой державы, при расширении роли регионального сотрудничества. Основой для этого должны быть хорошо функционирующие объединения государств: ГУУАМ и Балтийско-Черноморское содружество. Наличие этих объединений и занятие в них ключевых позиций позволит Украине в далеком будущем выстроить собственную внешнеполитическую систему. Зона Балтийско-Черноморского содручества имеет пространственную протяженность с юго-востока Европы на северо-восток, образуя геостратегическую ось регионального сотрудничества, зона ГУУАМ простирается с востока Европы через Кавказ, до Средней Азии образуя геостратегическую дугу трансрегионального сотрудничества. Мобильно перемещаясь в этой системе, а также оптимально используя системные ресурсы, Украина получает возможность выстраивать собственные контуры противовеса как в отношениях с Россией, так и в отно-

шеннях з западними геополітичними гравцями і їх об'єднаннями. В ситуації обретення Україною ролі субрегіонального лідера, вона отримує статус стержневого компонента в політичному ареалі "Mitteleuropa". Приобретение такого статусу дозволить зберегти провозглашений нейтралітет, дистанціюватися від изматываючих національні економіки воєнно-політичних форм співробітництва, перебудувати українське геостратегічне простір в світовій інноваційно-технологічній і фінансово-економічній центрі. Однак досягнення такого статусу можливо лише при успішному проведенні Україною економічних і політичних реформ, досягнення визначеного рівня стабільності, що здійснимо лише в довгостроковій перспективі.

Дилема вибору однієї з макро-політичних схем здійснення внешнеполітичної доктрини надзвичайно складна, т.к. вона визначає архітектуру України в третьому тисячолітті. І саме від того, наскільки правильно українськими політиками будуть оцінені потенціальні можливості і ресурси країни, враховані небезпеки і ризики, що складаються порой в системі міжнародних відносин, буде залежати доля нашої держави в майбутньому.

ГЕОПОЛІТИЧНІ ПЕРСПЕКТИВИ УКРАЇНИ

О.А. Кравцова

(Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна)

Головними сферами зовнішньополітичної діяльності України є: двосторонні міждержавні відносини, розширення участі в європейському регіональному співробітництві, співробітництво в межах СНД, участь в ООН та інших міжнародних організаціях.

Для України, яка впродовж своєї історії перебувала в центрі геополітичних інтересів кількох наддержав, зовнішньополітичний вибір має не тільки внутрішню, а й міжнародну вагу. Стратегічна мета нашої країни полягає в інтеграції до європейських та євро-атлантичних структур. Нині закладаються підвалини тих нових відносин, того становища, яке стане визначальним, якщо не вирішальним для майбутньої долі континенту. Європейські країни, а з ними і Україна, на початку 90-х р.р. повернулися до природного стану, коли суттєвими чинниками формування міжнародних відносин були геополітичні фактори – територія, матеріальні ресурси, національна структура населення, а також національно-релігійні характеристики, що діяли протягом багатьох століть. Зрозуміло, що сучасне міжнародне становище примушує Україну виробляти в зовнішній політиці правила поведінки, які адекватні обставинам у світі і водночас відповідають її власним національним інтересам. Для молодшої української держави вироблення зваженої, науково обгрунтованої зовнішньополітичної стратегії і тактики має особливо велике значення. Адже в цьому випадку створюються сприятливі зовнішні умови, по-перше, для розв'язання складних соціально-економічних проблем всередині країни, для розвитку і зміцнення державності, по-друге, для завоювання і зміцнення міжнародного авторитету молодшої держави, посилення її впливу на міжнародні події. Сьогодні одним з головних завдань для України є залучення до загальноєвропейських цінностей, побудова правової держави, в якій надійно гарантуватимуться права людини, діятиме принцип верховенства права.

Підводячи підсумок, треба відмітити що Україна послідовно інтегрується до загальноєвропейської та загально-світової спільноти і розглядає поглиблення інтеграційних процесів на континенті як необхідну передумову утвердження нового геополітичного простору. Активне співробітництво України з такими впливовими міжнародними організаціями як ЄС, РЄ, ЦЄІ, ОБСЄ, НАТО свідчить на користь нарощування зусиль до утвердження нашої держави в лоні європейських народів, у світовому співтоваристві.

Разом з цим зазначимо, що неоднозначність розуміння цього геостратегічного напрямку зовнішньополітичної діяльності держави різними політичними силами, які відображають певні настрої, що мають місце в українському суспільстві, повинні відповідно враховуватися у діях лідерів та державних структур на міжнародній арені.

Враховуючи те, що в системі національних пріоритетів питання виходу з соціально-економічної кризи являється першочерговим, становиться зрозумілою політика на інтеграцію в СНД, майже як єдина перспектива виходу нашої країни з кризи. Україна також зацікавлена в ре-

конструкції старих і налагодженні нових економічних зв'язків з СНД. Але головне питання заключається в тому, який характер мають ці зв'язки і яким є їх внутрішнє наповнення.

Судячи з усього, настав час великих змін у характері і механізмах дії СНД. Можна припустити, що нові позиції президентів України та Росії щодо СНД означають можливість переходу до нової фази розвитку цієї організації, в якій вона з інструменту "цивілізованого розлучення" перетвориться на ефективний інструмент організації взаємовигідної співпраці країн на теренах колишнього СРСР. Основи для такої взаємодії є. Вони випливають із об'єктивних потреб міжнародного поділу праці та завдань оптимальної інтеграції господарської діяльності молодих незалежних держав на пострадянському просторі.

Якщо розглядати позицію керівництва Російської Федерації щодо України, то треба відмітити, що зацікавленість урядових кіл і політичних сил різного гатунку в РФ у ситуації в Україні визначається насамперед можливостями реінтеграції нашої держави та посиленням їх впливу на її політичний курс. Тому РФ категорично заперечує проти розширення зони відповідальності НАТО на Схід, включаючи Україну та інші держави СНД, і вбагає в цій організації свого небезпечного потенційного супротивника.

При аналізі стану та динаміки розвитку україно-російських відносин впадає в око один характерний момент – прямих супротивників покращення відносин, що з українського, що з російського боку, прямо скажемо, небагато, але при тому явно підвищена критичність властива ставленню до конкретних кроків у міждержавних стосунках. Кожен з критиків вважає, що він зробив би все краще, що він ліпше за президента врахував би і захистив національні інтереси своєї країни, що не можна було поступатися ані тим, ані іншим. Більшості вітчизняних та російських критиків, на наш погляд, бракує розуміння того, що Україна і Росія – це незалежні, самостійні держави, а тому цілком природно, що де в чому їхні інтереси не збігаються, а то й прямо протилежні. Якщо така ситуація визначається нормальною для більшості країн, які існують уже давно, то чомусь для нових, зокрема для України та Росії, вона подається як ненормальна. Мабуть, тут дається високий ступінь їх близькості, тривале історичне перебування у межах однієї великої держави. Одних турбує те, що доволі ймовірними видаються спроби повернутися до колишнього союзного стану, а інших не полишають спогади про старшебратність і сприйняття України як "своєї". Вочевидь російській стороні важче дається усвідомлення нового, державного статусу України, причому особливо в тих ланках російського державного організму, які меншою мірою безпосередньо відповідають за стан і характер міждержавних відносин. А Україні, з свого боку, належить нарешті визначитися у пріоритетності відносин з Росією зокрема, та й, мабуть, здійснювати поступовий, але цілеспрямований перехід від асоційованого до повноправного члена СНД. Адже вона разом з Росією і Білорусією була засновницею СНД.

ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ УКРАИНА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ

В.М. Фролов, А.Н. Поступной, А.В. Резаев
(Национальный технический университет "ХПИ")

Судьба Украины, её успех или неуспех, определяется в результате взаимодействия множества взаимозависимых факторов: более важных – и не столь значительных, внутренних и внешних, противоречиво воздействующих, экономических, социальных, политических, духовных и так далее.

Для повышения точности определения перспектив страны важно учесть все факторы и вместе с тем учесть их неравнозначность. Обратим внимание на некоторые наиболее важные из них, имеющие общий и долговременный характер, а также на те значимые факторы и условия, которые не учитывают или не называют по причинам, не связанным с их важностью.

Говоря об Украине, её успехах, интересах, судьбе, часто, особенно в официальной речи, отождествляют Украину с руководством государства. Руководители государства, даже если они занимают выборные должности, являются представителями правящей элиты, то есть, социальных слоёв, групп, политических сил, которые контролируют государство как аппарат, совокупность органов управления, принуждения. Успех элиты не всегда совпадает с успешным развитием Ук-

раины – всего общества, поскольку у них разные приоритеты. Для элиты объективно приоритетом является политическая стабильность, сохранение и накопление власти, господствующего статуса. У общества, включающего в себя массу рядовых людей, в приоритетах сохранение или повышение качества жизни всего населения, обеспечение элементарных прав на жизнь, защиту здоровья, воспроизводство.

Украинская элита в течение революции 90-х годов достигла успеха: она сложилась как элита, смогла консолидироваться накануне президентских выборов 1999 года, мобилизовать огромные по масштабам нашего общества ресурсы и обеспечить победу своего кандидата, затем сформировать большинство в парламенте. Общество же в целом терпит в основном неудачи. Падение производства, разрушение системы социальной защиты, рост долгов, утечка мозгов и активной части населения, падение уровня жизни и сокращение массы населения слишком велики, чтобы быть оправданными произошедшими переменами и открывающимися перспективами.

Элита более гомогенна по своим основным политическим ориентациям и ценностям, чем общество в целом. Её доминирующее ядро утверждалось и функционирует при полиморфной поддержке Западом отдельных личностей, групп, режима в целом: кредитами, материальными, социальными, политическими, информационными ресурсами и технологиями. Отсюда её ориентация на сближение с Западом, США, европейскими структурами, НАТО. Часть элиты, недоверчиво относящаяся к Западу, вынуждена всё же принимать эти ориентиры во имя своих приоритетов. Сложнее с обществом в целом.

В начале 90-х среди населения страны доминировала ориентированность на тесное сотрудничество и союз с Россией и другими республиками СССР, на так называемые ценности социализма; преобладала настороженность в отношении стран Запада. Однако, используя переходящие под её контроль ресурсы страны, эффективную политическую стратегию и тактику, выборные информационные технологии, жёсткий контроль над СМИ, элита нанесла тяжёлое поражение левой оппозиции и добилась изменений в общественном сознании. При этом общественное сознание стало более фрагментированным и конфликтным. Доминирующая линия конфликта, недоверия по отношению к капиталу, Западу сменилась рядом новых конфликтных напряжений, ранее не имевших значительных масштабов.

Значителен по потенциалу конфликт между теми, кто преуспел в процессе реформ, и массой людей, которые много при этом потеряли. Имеют перспективы стать значительными конфликты на этнической почве. Прежде всего, конфликт, связанный с наличием тенденций строительства этнического государства. В результате информационно-идеологического воздействия на общество заметно снижена комплиментарность между украинцами и русскими в стране (особенно в некоторых регионах), медленно двинулся с горы снежный ком взаимных претензий и обид, медленно обрастая реальным свежим материалом. Председатель созданного весной 2000-го года Государственного комитета по информационной политике, телевидению и радиовещанию Иван Драч говорит об ущемлённом и униженном положении украинцев в Украине. В свою очередь русские граждане Украины, согласно результатам социологических исследований, всё больше чувствуют себя чужими для государства.

За гуманной акцией возвращения крымских татар на свою историческую родину заинтересованные игроки не могли не просчитывать эффект противовеса тяготению крымского населения к России. Появление в Крыму трёхсоттысячного мусульманского народа, переживающего в связи с возвращением на свою историческую родину пассионарный толчок, усиление Турции, процессы на Кавказе, - всё это наполняет регион энергией возможных будущих перемен.

Другая линия напряжения, связанная с региональной структурой Украины, основывается на реальных различиях и противоречиях восточных и западных областей страны. С ней приблизительно совпадает и преимущественная ориентация частей населения страны на альянс с Западом или на тесное взаимодействие с Россией. Более аграрный Запад Украины в меньшей степени пострадал в результате экономического коллапса, получает целевую поддержку украинской диаспоры и дотации из бюджета, имеет лучшее представительство в центральных органах власти, более значительные культурно-исторические связи с Польшей, государствами-наследниками Австро-Венгерской империи. Более промышленный Восток Украины особенно пострадал за годы независимости, его население быстро сокращается. Восточные регионы являются донорами для госбюджета, меньше влияют на верхи, в большей степени ориентированы на Россию. Здесь велик компо-

нент русской культуры. В западных областях быстро распространились принципы этнической государственности, антирусские и антироссийские настроения, включая и агрессивные формы.

Среди других конфликтов и разломов украинского общества, обладающих большой силой и долговременным действием, препятствующих консолидации общества, - разрыв между поколениями. Старшие поколения, создавшие и жившие в более богатом и благополучном обществе, в значительной мере ещё остаются патриотами своего времени, распавшегося СССР, его достижений, ценностей. Военные старшего возраста и бывшие военные уже давали присягу на верность государству, которое теперь оценивается как враждебное. Старшие поколения с трудом воспринимают новые мифы. Это делает их как бы ненужными при строительстве общества новой модели. В последней избирательной кампании победители особенно интенсивно играли на естественном конфликте отцов и детей, отрицая достижения и ценности прошлого, фактически конструируя и внедряя миф самооценности и самодостаточности молодёжи.

В результате доминирования негативных оценок их деятельности, всесторонней незащищённости, поддерживаются высокие темпы ухода старших поколений из жизни. Политические партии даже строят расчёты на этом стратегическом факторе. А в исторической памяти общества закрепляются стереотипы поколенческих разрывов, уже пережитых после 1917 года, программируются будущие.

Наличие указанных конфликтных напряжений располагает к выводу о внутренней, имманентной неустойчивости, нестабильности современного украинского общества и государства, и о значительных препятствиях в формировании здоровой политической нации.

Хотя власть в решающие моменты и в решающих местах с успехом использует приемы масштабного авторитарно-тоталитарного воздействия, всё же она сохраняет некоторые либеральные и плюралистические формы. В существующих условиях это возможно благодаря стабилизирующему воздействию внешних факторов.

Внешнеполитические реалии для Украины состоят прежде всего в том, что потерпевший поражение в Холодной войне Советский блок, СССР распались. Украина - сравнительно небольшое, достаточно ослабленное государство, попала в мощное поле тяготения, влияния США и их союзников. Влияние России как политического центра силы на Украину ослабело на порядки.

Развитые страны, Запад, сохраняют определённую двойственность, принимая и вырабатывая высокие гуманистические, демократические ценности и вместе с тем продолжая участвовать в ожесточённой конкуренции за контроль над мировыми ресурсами. В результате распада СССР и ослабления России уже произошло перераспределение контроля над значительными объёмами мировых ресурсов. Но значительная их часть (на 30,5 трлн. долл.) содержится в самой России (для сравнения: в Европе на 0,5 трлн. долл.).

В геостратегии Запада Украине определено важное задание: способствовать ослаблению России. Эта роль может выполняться уже в процессе отдаления, охлаждения отношений с северным соседом и путём участия в буферных альянсах под патронатом США.

Если Россия, обременённая гигантскими размерами своей территории, внутренней сложной структурой и неразрешимыми проблемами (при поддержке Западом этих процессов) будет распадаться (что возможно в XXI веке), то Украина может даже рассчитывать на приращение за счёт этого своей территории и расширение зоны доступного контроля над ресурсами в сфере влияния Запада. Вхождение Украины в Европу, возможно в НАТО, завершило бы, насколько это возможно, переход страны в сферу влияния победившего блока.

Процесс углубляющейся европейской интеграции, несомненно, исторически прогрессивный. Но и в этих структурах хорошо просматривается иерархия статусов - Украина вряд ли поднимется в них с 3-х или 4-х ролей. Тут нет преимущества в сравнении с предполагавшемся статусом Украины в провалившемся Новоогарёвском проекте.

Если при внешней демократической форме будет преобладать тенденция к формированию единой мировой системы статусов государств по типу пирамиды сеньориально-вассальных отношений (на это будет налагаться процесс таяния оболочек национальных государств при формировании единой иерархии элит), то в Украине будет достигаться относительная стабильность при умеренном внутреннем нездоровье. Но для XXI века более характерной является тенденция формирования новых мощных центров силы, преимущественно на цивилизационной основе, и соперничество между ними. В этом случае, если Россия сохранится и будет усиливаться, то в большей

мере в Украине будет проявляться действие внутренних сил, направленных на разрыв страны (в западном, северо-восточном и южном направлениях).

Основной вывод заключается в том, что с достижением независимости Украина не вышла на прямолинейную удобную дорогу развития. Для преодоления сложностей этого пути без больших потерь руководству страны и всему народу требуется проявление доброй воли к консолидации и героической мудрости.

УКРАИНА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д.Е. Ключко

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Завершилось столетие небывалых общественных экспериментов и невиданных политических потрясений. Конец XX века характерен серьезным поражением социализма в европейских странах и установлением господства США в международных отношениях, торжеством либеральной демократии Запада, созданием десятков новых государств Европы, и Украины в том числе.

Гигантские изменения, происшедшие в 90-е годы, вынудили ученых практически всех отраслей знания, футурологов и т.п. [1, 4, 6] представить параметры глобальной системы международных отношений, нового мирового порядка в XXI столетии.

Для нас интересным будет следующее: в каких параметрах мирового порядка, какие концепции его развития приемлемы для Украины, а также какие пути она изберет для своего дальнейшего существования.

Анализ всех процессов, происходящих в мире в последнее время, дает возможность определить параметры будущего мирового порядка.

1. Прежде всего, что они создаются не на основе равновесия сил основных государств – субъектов международных отношений, а на основе глобального доминирования одной сверхдержавы (США), а следовательно, возникновения однополюсного мира.
2. Новый мировой порядок создается не силовыми методами, а посредством финансовых, экономических, политико-дипломатических информационных средств и методов.
3. Созданные ялтинско-потсдамской системой международные политические институты (ООН и её СБ, ОБСЕ и другие), новая система оставила формально нетронутыми, фактически полностью перечеркнув их нормативную и координирующую роль.
4. Созданные и кодифицированные во второй половине XX столетия коллективными усилиями государств – членов ООН все международно-правовые акты фактически поставлены под сомнение.
5. Единственным политическим институтом, играющим более или менее серьезную военно-политическую роль в глобальной системе международных отношениях, остается расширяющийся военно-политический блок НАТО.
6. Судя по внешнеполитическим шагам украинского руководства Украина хочет вписаться в последний параметр новой глобальной системы. Политическая элита Украины, сделав в основе своей геостратегии европейский выбор, считает, что именно он принесет процветание нашей стране в будущем. Хотя, на наш взгляд, подобное является ошибкой прежде всего потому, что в результате гонки за прибылями происходит саморазрушение Запада. Кроме того, Европа стареет, и есть много признаков подтверждающих выводы ученых о том, что европейская цивилизация находится в конце определенного исторического цикла развития, начала системного кризиса европейской цивилизации [6, 7].

В настоящее время нет недостатка в выработке концепций будущей системы глобализации международных отношений и принятием их теми или иными странами. Глобализация общественных, политических, экономических, культурных и научных связей, якобы создает невиданные возможности для расцвета всех народов планеты. Внешнеполитическая концепция Украины ориентирована именно на такой результат. Однако мы видим, что продолжает увеличиваться разрыв между богатыми, индустриально развитыми и бедными, развивающимися странами (в число последних, к сожалению, попала и Украина).

В геополитическом плане для Украины в большей степени подходит сформулированная за рубежом концепция зависимого развития. Суть её состоит в том, что в системе глобализма ареной является

весь мир, в нем выделяются главные центры силы (экономический, военно-политический), конкурирующие между собой, а также зависимая от них периферия. Это явление считается глобальным, переросшим рамки не только государств, но и ТНК и центров силы. Думается, что стремление Украины стать подлинно европейским государством (не в географическом понимании, а по степени удовлетворения потребностей людей), вряд ли осуществимо по нескольким причинам:

а) "общество потребления", сформировавшееся в 60-е годы в странах Запада, было настолько привлекательным, что стало эталоном для большинства стран мира. Слаборазвитые страны пытались копировать Запад, однако, играя по правилам, придуманным не ими, неизбежно попадали в финансовую, экономическую, технологическую и информационную зависимость и были вынуждены идти на неэквивалентный обмен с Западом. К сожалению, Украина повторяет путь многих развивающихся стран;

б) следует иметь в виду, что авторы концепции "общества потребления" были прагматиками и служили только своему народу и не ставили своей целью достижение блага для всего человечества;

в) экономистами подсчитано, что экономический и ресурсный потенциал Земли позволит существовать в режиме "общества потребления" только миллиарду человек. Этот же вывод подтвердили биологи и антропологи: комфортное существование человека как вида может быть обеспечено при населении земного шара, не превышающим 1-1,5 млрд. человек. А это как раз количество населения 26 развитых капиталистических стран, т.е. 15% государств мира, которые потребляют 75% всей производимой на Земле энергии, 70% добываемого ископаемого топлива, 85% продукции деревообработки, 72% производства стали; и, видимо, они вряд ли согласятся уменьшить свои потребности. Надеяться, что при таком распределении мировых богатств Украина станет ведущей державой мира, было бы исторической фантазией.

Чтобы правильно оценить перспективы развития Украины в XXI столетии, следует верно, с учетом национальных интересов, оценить возможные варианты решения глобального ресурсного экономического и демографического кризисов. Минимизировать последствия этих кризисов Украина может активной экономической, природоохранной, социальной и демографической политикой, которая соответствует концепции "устойчивого развития", доминантой которой является не только уровень жизни, но и рост её качества. Концепция "устойчивого развития" не претендует на простое решение проблемы, но она сегодня – реальный шанс выхода Украины из тупика.

Очевидно, что концепцию "устойчивого развития" Запад будет использовать в своих интересах, но для этого ему нужна полная и жесткая управляемость развивающихся стран, что явно невозможно и что будет порождать перманентные кризисы и нарастающую отчужденность между Западом и развивающимися странами. Это в свою очередь явно не способствует стабильности мира.

По мнению И. Валлерстайна, у стран "третьего мира" есть два выбора:

1) полное отрицание Запада;

2) отрицание гегемонистского Запада и улучшение экономического положения путем создания милитаризованного государства [2].

Для Украины эти выборы явно не подходят. На наш взгляд, Украина может избежать последствия конфликтов между Западом и развивающимися странами, осуществляя политику экономического самодостаточного развития. Для её осуществления в Украине в основном имеются все необходимые предпосылки.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М., 1999.
2. Валлерстайн И. Капиталистическая цивилизация // Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. Реферативный сборник. - М.: ИНИОН РАН, 1998, - С.183-196.
3. Гаджиев К.С. Введение в геополитику: Учебник для вузов. - М., 1998.
4. Михайлов Т.А. Эволюция геополитических идей. - М., 1999.
5. Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов. - М., 1999.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro et Contra. - 1997. - №2.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций ? // Полис. - 1999. - №1.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

У.Е. Петренко

(Харьковский государственный педагогический университет им. Г.С. Сковороды)

Мир-системный анализ (МСА) разрабатывается как определенный целостный подход к изучению общества, в котором три его традиционные сферы - политика, экономика и культура, - существуют и развиваются в неразрывном единстве. В основе теории МСА лежит утверждение реальности существования особой капиталистической мир-системы с делением на центр, полупериферию и периферию и прибылью, вывозимой с периферии в центр. Движущей силой такой мир-системы или, как ее еще называют, капиталистической мир-экономики (КМЭ) является непрерывное накопление капитала, которое дифференцировано в пространстве и неравномерно распределено в различных зонах КМЭ. Система КМЭ является поляризуемой и поляризующей, поэтому действует в интересах верхушки в иерархической системе привилегий, принося огромную прибыль и выгоду, конечно же руководящим кадрам стран ядра и их среднему классу, когда-то интегрировавшемуся в эту политическую систему.

Динамика накопления капитала в КМЭ является постоянной борьбой между высокомонополизированным производством продукции в странах ядра и подверженностью конкуренции со стороны стран периферии. Эта динамика приводит к экспансии КМЭ, посредством вмешательства государства в экономику менее экономически развитых стран, т.е. КМЭ взаимодействует с международной системой интегрируя в себя все более широкий сегмент мирового рабочего класса периферийных и полупериферийных групп. В результате происходит накопление капитала и его неравномерного распределения по линии центр-периферия.

Для КМЭ также характерно наличие стран-гегемонов. До недавнего прошлого, вплоть до 1989 года на мировой политической арене монополярного мира, согласно концепции И.Валлерстайна, существовало только две сверхдержавы: США (в ядре) и СССР (на полупериферии), другие развитые государства поддерживали одну из противоборствующих сторон, значение же стран "третьего мира" было невелико. Развитие и той, и другой сверхдержавы основывалось на по сути единой вилсоновско-ленинской идеологии, которая для США заключалась в принципе самоопределения нации, как средстве реализации национального развития (и модернизации), а для СССР - в виде антиимпериалистической борьбы и построения социализма как у себя, так и в остальных странах "третьего мира". Считалось, что именно таким образом можно добиться успеха и сократить разрыв между бедными и богатыми странами. Такая национальная стратегия развития, с вполне определенной системой ценностей, рухнула в конце 80-ых, показав всему миру всю свою несостоятельность и неэффективность, и представив миру новую эру "конца истории обманутых надежд" и "начало еще не сбывшихся страхов".

Куда же дальше будет двигаться мир, какие качественные геополитические изменения произойдут на мировой политической арене?

Согласно концепции МСА И. Валлерстайна, в современном международном сообществе невозможно длительное существование триадных геополитических структур, поскольку они незамедлительно переходят в бинарные (слабый всегда ищет союза с сильнейшим). В соответствии с этим принципом идет формирование главных геополитических центров. Так как за последние 20 лет США постепенно уступили в экономическом развитии более развитым странам, таким, например, как Япония, то возможно создание Северного блока - консорциума двух стран ядра КМЭ - Японии и США, к которым примыкают страны полупериферии и периферии, такие как Китай, Канада, Корея, страны Латинской Америки и ЮВА. Консорциум США-Японии будет конкурировать с другим центром - объединенной Европой, которая будет выступать в тандеме с полупериферийной Россией (на интеграцию с которой у Европы хватит средств, в отличие от Америки). Третьим крупным геополитическим ареалом должен стать Юг, страны которого пойдут по своему пути развития. Страны "третьего мира" будут создавать множество анклавов с державами, объединенными возле главных геополитических центров.

Таким образом, глобализация в контексте мир-системного развития - это прежде всего определенная трансформация пространства и времени, когда изменяется своеобразная "окружающая среда" каждого суверенного государства, которому, просто необходимо обозначить свой политический

курсе. После распада СССР, на его территории образовалось много формально равноправных субъектов международных отношений - самостоятельных, независимых государств.

Украина и Россия в 90-е годы вступили в полосу перехода, когда интеллектуальный и политический колебания становились все более сильными и непредсказуемыми, сильно увеличивая возможный спектр выбора. Вместо существовавшей устойчивой стратегии геополитического развития образовался своеобразный политический вакуум, который срочно необходимо было заполнить с помощью обоснования приоритетных заданий, верного соотношения вопросов стратегии и тактики в границах выбранного политического курса.

Нащупывая новые пути геополитического развития, Украина провозгласила многовекторность внешней политики - это развитие отношений со странами СНГ, в первую очередь с Россией, и параллельное углубление процессов интеграции в европейские и трансатлантические структуры, продвижение в мировое сообщество. Украине, как суверенному государству было необходимо определиться и скоординировать свою политику прежде всего относительно России, и не разрушая достигнутых приоритетов, постепенно расширять их на Запад. Ведь в силу невозможности быстрого вхождения в Европейские структуры развитие торгово-экономических связей с государствами постсоветского региона на условиях равноправных, взаимовыгодных отношений с учетом интересов друг друга являлось наиболее оптимальным и обоснованным решением.

Кроме того, на Украине в 90-е годы сложилась достаточно напряженная ситуация на фоне экономического кризиса и социальных противоречий, характеризующаяся разобщенностью мыслей, понятий и декларированных представлений о внешних связях и направлениях развития Украины как в верхних эшелонах власти, так и среди электората разных регионов Украины. Например, Западный регион выступает за широкое сближение с Западом и вхождение в его геополитические и геоэкономические структуры, а Восточный и Южный регионы - за сближение с Россией и приближение к уровню "настоящего стратегического партнерства". Политика исполнительной власти остается непредсказуемой, существует много противоречий и расхождений относительно выбора курса государственной политики Украины, а в Верховной Раде (избранной в 1998 году) политические партии имеют диаметрально противоположные взгляды и ориентиры относительно взаимоотношений как с Западом, так и с Россией. Шесть из них выступают за сближение с Россией в рамках СНГ, а семь партий - за интеграцию в европейские структуры.

Эти противоположные направления во взглядах руководства еще долго не смогут обеспечить Украине сбалансированный путь развития. Кроме того, согласно концепции МСА, в будущее тридцатилетие вполне может произойти трансформация внешней политики как самой России, так и стран Западной Европы, кроме того, возможно появление принципиально новых геополитических центров и разделений (типа Север-Юг), с совершенно новыми политическими интересами и ориентациями, по отношению к которым Украина должна выстроить собственную оригинальную стратегию взаимодействия.

И Украина и Россия выбрали путь постепенной интеграции в структуры капиталистической мир-экономики, что требует коренной перестройки и адаптации посткоммунистических систем к новым социально-экономическим и геополитическим требованиям со стороны КМЭ. Это определяет фундаментальную необходимость со стороны украинского политического руководства комплексной разработки целого ряда концепций и государственных программ, обеспечивающих сбалансированное общественное развитие, основывающееся на принципах демократизма, свободы выбора и учета национальных интересов. Геополитическими ориентирами этих программ могут быть следующие положения:

1. Стратегическая ориентация на постепенную, нефорсированную интеграцию в Европейские структуры на основе поиска наиболее оптимальной для Украины ниши в МКЭ и системе международного разделения труда;
2. Развитие регионального сотрудничества с посткоммунистическими странами Центральной и Восточной Европы для преодоления трудностей на пути вхождения в Европейский центр;
3. Поддержание и дальнейшее развитие необходимых социально-экономических связей со странами ближнего зарубежья (в особенности, с Россией);
4. Взаимовыгодное сотрудничество, основанное на рациональной внешней политике не только с Европейским союзом и американо-японским консорциумом, но и со странами формирующегося Южного геополитического центра.

ПРАВОСЛАВНА ТРАДИЦІЯ ЯК ГЛОБАЛЬНА ПІДОЙМА УКРАЇНСЬКОЇ МЕНТАЛЬНОСТІ

І.О. Поліщук

(Харківська облдержадміністрація)

Православна гілка християнства традиційно належить до числа глобальних релігій, які визначають культуру і спосіб думання східнослов'янського світу. Реалії розвитку посткомуністичної України свідчать про неоднозначність впливу релігійного чинника загалом і православного фактору зокрема на розвиток політичних процесів. Проте, слід зазначити, що позаяк розширення впливу різноманітних протестанських течій в теперішній Україні православ'я лишається глобальною підоймою ментальності нашого народу.

Розглядаючи особливості становлення менталітету українства, не можна залишити без уваги вплив події, що відбулася у 988 році за ініціативою Володимира Великого. Йдеться про впровадження на Русі східного християнства. Враховуючи надзвичайне значення релігійного чинника у формуванні загальної свідомості людини, значення даної події важко переоцінити.

“Українська світоглядно-філософська ментальність виростає з діалогу східнослов'янської міфоепічної свідомості Київської Русі з елліно-візантійською християнською цивілізацією, орієнтованою на екзистенціальний індивідуалізм “внутрішньої людини” (принципово відмінний від латино-римського “приватизму”) та антеїстичним “зануренням” у природу”, - влучно зазначає І.Бичко [1, с.50]. “...Великий східний вплив, - грецька (візантійська) релігійна й культурна традиція, - діяв ...з середини формуючи саму духовність суспільства” - пише І.Лисяк-Рудницький [4, с.517].

В.Киричук звертає увагу на такі моменти: “Християнська релігія і церква сприяли поширенню писемності, принесли нову культуру й докорінно змінили світосприйняття та самовираження населення Київської Русі. Хрещення Русі зблизило давньоруську державу з країнами Європи” [3, с.148].

М.С.Грушевський вказує на політично-ідеологічний бік заходу Володимира Великого: “... Ця нова релігія і в подальшому повинна була триматися князівської влади як своєї опори і, пов'язуючи юним культурним вузлом племена руської політичної системи, повинна була закріплювати їхню залежність від Києва та київської династії” [2, с.56].

Наведені думки відомих наукових авторитетів, взаємодоповнюючи одна іншу, досить влучно розкривають надзвичайне значення впровадження християнства. Зрозуміло, що вагомість цієї події виходить поза межі київського періоду, адже православ'я виступає одною з головних детермінант ментальної еволюції східного слов'янства.

Прийняття православної версії християнства з огляду на подальші історичні колізії, викликало неоднозначні оцінки в наукових колах. Так, наприклад, С.Томашівський схильний розглядати релігійний вибір Володимира Великого, описаний у легенді про “пробу вір”, що міститься у стародавньому східнослов'янському літописі “Повісті врем'яних літ”, як трагічну епохальну помилку, котра спричинила периферійність України щодо європейської цивілізації, а також обумовила застій і безплідність у якості типових ознак українського розвитку. Подібна оцінка перегукується з теорією К.Маркса та Ф.Енгельса про “історичні” та “неісторичні” народи, теорією цивілізацій А.Тойнбі, автори яких вважають за можливе на базі тих чи інших критеріїв визначати прогресивність чи регресивність цілих націй.

Повертаючись до думки професора Томашівського, варто зважити на контролінку професора І.Лисяк-Рудницького, який вказує на далеко не випадковий релігійний вибір князя Володимира, адже “грецьке християнство своїм естетичним аспектом було близьке й рідне народові Київської Русі” [4, с.518].

Окрім того, українські землі знаходилися під впливом грецької елліністичної культури вже більше як півтора тисячоліття до хрещення Русі; задовго до цієї події на чорноморському узбережжі Півдня України та в Криму утворилися численні грецькі колонії; та й Східна імперія - Візантія у X ст., на момент київського запозичення, була ще достатньо могутньою, аби викликати бажання копіювати власні взірці з боку Київської держави.

Але існують й інші глибинно-ментальні підвалини, які визначають природність православного вибору. С.Таран, відзначаючи спільність української та індійської протокультур, наголошує на близькості первісних ментальних настанов в індусів і українців, що виражається у прагненні обох світоглядів до самозаглиблення, проникнення у свій внутрішній світ. “Самозаглиблений спокій - ідеал українця” [5, с.61].

Подібна первісна ментальна налаштованість якнайкраще узгоджується з еллінською ментальністю, котра знайшла своє сутнісне віддзеркалення у православній течії християнства.

В.Храмова, розмірковуючи над феноменом української ментальності, наводить цікаве співставлення еллінської культури (у широкому розумінні поняття "культура") з західноєвропейською О. Шпенглера.

"Геометричному" простору (тіло, що відчувається на дотик) еллінів - аполлонівської душі - Шпенглер протиставить "аналітичний" простір (єдиний і безконечний) західноєвропейської людини - фаустівської душі. "Геометрична" душа стародавнього грека, формуючи дійсність, прагне спокою, вивчаючи як існуюче "лише подібну до точки сучасність" (все інше стає міфом). Звідси зосередження уваги на кінцевому, миттєвому, тілесному.

Фаустівська душа налаштована, історично досліджуючи дане, під кутом зору становлення від минулого до майбутнього. Звідси - потяг до безконечного і воля до влади. Цим пояснюється принципова відмінність античного мистецтва, науки, політики тощо від західноєвропейських [7, с.6]. Цим же пояснюється ментальна спорідненість стародавніх еллінів із стародавніми східними слов'янами. Прийняття останніми саме православної версії християнства було, таким чином, не трагічною помилкою, а закономірним підсумком їхнього природного розвитку.

Разом з тим, треба погодитися з думкою, що з точки зору "цивілізаційної ефективності" католицизм в історії довів власну певну перевагу. "...Візантії, не зважаючи на весь свій блиск і вишуканість, на довшу мету зраджувало деякі прояви кволости. Воно було радше статичним, і йому бракувало того надзвичайного динамізму й творчої снаги, що їх латинське християнство розгорнуло після 1000 року, у романську і готичну епохи" - слушно зауважує І.Лисяк-Рудницький [4, с.518]. І дійсно, брак динамізму, руху в осілого хліборобського народу, первісні ментальні настанови якого спрямовані були на пасивне самозаглиблення, лише розвинулися з прийняттям статичного, за висловом І. Лисяк-Рудницького, візантіїства. До ментально вкоріненої пасивності додалася новозавітна смиренність, сподівання на Бога, а не на себе.

Аналізуючи українську політичну ментальність, варто у зв'язку із зазначеною особливістю, а також виходячи із викладеного вище, відзначити її своєрідний маргінальний характер.

Саме православ'я визначає суттєві глибинно-ментальні особливості нашого народу, які відрізняють його від інших європейських народів, передусім західноєвропейських.

Проте прийняття православної версії християнства було закономірним. Типовими ознаками її виступають обрядова витонченість і, як наслідок, превалювання споглядальних настанов, статична налаштованість, абсолютизація новозавітного постулату смиренності, закріплює в українському менталітеті певні оригінальні риси, які істотно віддаляють українців від західноєвропейців як православних від католиків.

Утверджується брак динамізму, прагнення до самозаглибленого пізнання, до спокою і, як наслідок, пасивність, недостатня волювистість, відсутність чітких цілей, периферійна локальність мислення з превалюванням очікуваності над ініціативністю.

Тогочасне збереження функціонуючої на засадах самоврядування селянської територіальної общини у якості основної форми життєдіяльності основної маси населення Київської Русі - вільних хліборобів-смердів сприяє розвитку первісних ментальних властивостей: осілої миролюбності, домінування серед автохтонних слов'янських елементів жіночого архетипу Матері-Землі, що спричиняє розвиток емоційності при недостатньому раціоналізмі та волювистості, а як результат - невміння консолідуватися та в необхідний момент підпорядковуватися власній владі - певні початки анархізму.

Нарешті, незамкнений характер суспільних станів, юридична рівноправність вільних громадян Київської Русі формує у останніх егалітаристські настанови з прихильністю до ідеї рівності.

Як бачимо, православна традиція в Україні має давню історію. Вона зберігає свій вплив і сьогодні, залишаючись глобальною підоймою нашого теперішнього мислення та відчуття, якщо зважити на її загальне культурне значення. Врахування особливостей православної ментальності дозволить оптимізувати процес політичної модернізації в Україні. Але для цього мусить модернізуватися і сама українська православна церква.

Література

1. Бичко І. Українська ментальність і проблеми гуманітаризації національної вищої освіти // Розбудова держави. - 1993. - № 3. - С.58-63.
2. Грушевський М.С. Очерк истории украинского народа. - 2-е изд. - К.: Лыбидь, 1991. - 400 с.

3. Киричук В. Історичні корені українського народу: до питання етногенези українців // Генеза. - 1994. - № 1. - С.142-149.
4. Лисяк-Рудницький І. Україна між Сходом і Заходом // Історія філософії України. Хрестоматія. - К.: Либідь, 1993. - С.511-520.
5. Субтельний О. Україна: Історія. - К.: Либідь, 1991. - 510 с.
6. Хамітов Н. Українська ментальність: постімперське та постіндустріальне буття // Розбудова держави. - 1995. - № 10. - С.31-33.
7. Храмова В. До проблеми української ментальності // Українська душа. - К.: Фенікс, 1992. - С. 4-35.

ЄВРОПЕЇЗАЦІЯ І ЄВРАЗІЙСТВО: ЦИВІЛІЗАЦІЙНІ ОРІЄНТАЦІЇ УКРАЇНИ У СУЧАСНИХ УМОВАХ

К.М. Мотиль

(Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна)

Формування стратегії зовнішньої політики України відбувається в складних умовах наявності протилежних концепцій в суспільстві щодо орієнтації незалежної держави, шляхів і методів утвердження України у світі.

Одні сили вбачають єдино правильний шлях в орієнтації на Європу, на Захід. Інші орієнтуються на Схід. Одні вважали і вважають, що нейтралітет може надійно гарантувати безпеку України. Інші – прихильники участі України в колективних зусиллях держав на підтримання миру і безпеки. Існує багато концепцій геополітичної орієнтації України.

Найамбіційною, найвеличнішою для цього часу візією майбутнього Європи, більша частина якої мала увійти до спілки центрально – та східноєвропейських націй, був безпечно проект, висунутий широким колом німецьких учених політиків та підприємців, згуртованих навколо руху “Середня Європа”.

Ідея Середньої Європи, проте, виявився мало сумісною з тогочасною реальністю. Безперечно, в концепції “Середньої Європи” як явища інтелектуальної історії Німеччини вельми вагомим є елемент німецького месіанізму. Як вважав учасник руху “Середня Європа” Макс Вебер, “усяка політика по той бік нашого східного кордону, якщо вона є реальна політика, неминуче є західнослов'янська політика та не німецько-національна політика... На сході, але аж ніяк не на заході, матимемо ми культурні завдання поза нашими кордонами. Для нього цілком природним було те, що українці, яких соціальна структура та рівень розвитку матеріальної та духовної культури значно перевищував російські відповідники, мали утворити свою національну державу.

Центральним засобом для застосованого Г.Гесселем Тільманом у книзі “Хліборобська Європа” геополітичного підходу до ситуації в Європі є соціально-економічний аналіз. Загальноєвропейська цивілізація складається, на його думку, з двох – західної та східної половини.

Побіжно прокоментуємо розглянуті концепції, маючи на увазі, що в тій чи тій модифікації вони становлять підсумок сучасних геополітичних проектів.

Проведений аналіз свідчить, що стосовно Східної Європи західною геополітичною наукою вироблено два основоположних підходи. Перший, неспростований англійською (а також французькою) думкою, виходить з необхідності перетворення цього регіону на зони Cordon Sanitaire, що має відокремити життєві віти двох антагоністичних цивілізацій Сходу і Заходу. Згідно з цією візією східноєвропейська смуга має виконувати роль буфера, що пом'якшує тиск Сходу нейтралізує його пансіонізм. Очевидно, що потрібна “splendid isolation” - між двома світами прирікає східноєвропейські країни на швидке виснаження сил нерівному протистоянню Сходові.

Інші підходи стосовно майбутнього Східної Європи були запропоновані в Німеччині; взагалі вони можуть бути класифіковані як східно- та західно орієнтовані. Ця різноспрямованість відбиває культурно-історичний динамізм Німеччини, константою історичного буття якої був діалог двох – з огляду на суцільно-політичні, культурні та релігійні виміри - східної та західної частин, причому опозиція “Захід-Схід” часто має характер не стільки “географічний”, скільки культурно-цивілізаційний.

Важливо пам'ятати, що реінтеграція України в Європейську спільноту можлива лише за умови визначення за Україною європейської культурно-історичної ідентичності, позитивної відповіді на перший складник двочлена “свій-чужий”. У зв'язку з цим важливого значення набуває питання типологічної

близькості українського суспільства європейському, оскільки собою факт географічного розташування України автоматично не забезпечує їй членства в європейській сім'ї. Реінтеграція України в європейське співдружство з цього погляду реальна через відродження традиційних для країни суспільно-політичних та економічних структур та інституцій, через реактивацію історичної соціальної спадщини, актуалізацію історичної пам'яті й відродження, реставрацію, таким чином, порушеного соціо-культурного континууму. Гальмування руху в цьому напрямку означатиме усталення деформації історичної тяглості в існуванні української спільноти й спричинить, очевидно, загибель української нації як української та європейської.

Саме такі наслідки матиме курс на інтеграцію в СНД та участь України в реалізації проекту Європейського Союзу.

Для української геополітичної думки актуальним є питання аналізу тих стратегій, які розгравалися в європейському обширі, об'єктом яких була зокрема Україна. Можна висловити припущення, що таких стратегій було принаймні три, а на сьогодні формується четверта.

Перша стратегія припадає за початок століття. Кульмінаційною розв'язкою її стала перша світова війна.

Другий етап виник за умов поділу світу за критеріями універсальних ідеологій і відповідних державно-політичних режимів. Підсумки геополітичної стратегії другого періоду виявилися трагічними для цивілізації в цілому. Геноцид та етноцид стали синонімами цього періоду світової політики.

Саме ця обставина і визначила характер третього періоду, позначеного атмосферою "холодної війни" і створенням так званої біполярної системи.

Сьогодні ми переживаємо четвертий етап, який знаменує появу нової геополітичної стратегії в Європі і в світі. Це етап переходу від блокової біполярної системи до позаблокової інтеграційної. Це зумовлено як зовнішніми чинниками, значною мірою її стратегічною залежністю від партнерів по СНД, так і внутрішньополітичними процесами, які стримують ефективність економічних реформ.

Враховуючи такий стан речей у сучасному світі, подивимось на ситуацію у східноєвропейському регіоні (і ширше східно християнській цивілізації) та на геополітичне становище України в цьому контексті. Разом з тим певна, хоча ще й недостатньо осмислена реальність, існує світ пов'язаних між собою давніми духовними, історичними, економічними зв'язками народів східноєвропейсько-балкансько-кавказсько-Зауральського (до Тихого океану) простору. Структура цієї цивілізаційної спільноти досить складна, і тому при її ідентифікації бачимо наявність двох досить відмінних один від одного підходів, які умовно можна було б відзначити як поствізантійство та євразійство. Сенс першого – у його визначеності за спільними критеріями поствізантійської культури, але недолік в ігноруванні не менш значущої наявності давнього і глибинного взаємопроникнення і взаємозв'язку між слов'янством (особливо росіянами) та тюрсько-мусульманськими (за винятком монгольськомовних буддистів – калмиків, бурятів та монголів) етносами. Концепція євразійства акцентує увагу саме на останньому, але, у свою чергу, не надає належного значення культурно-духовній спорідненості східнослов'янських народів.

Але це зовсім не суперечить першочерговій необхідності утвердження України саме у східно-християнсько-європейському просторі з урахуванням тих геополітичних помилок, які були допущені у перші роки незалежності.

Розгляд геополітичних змін, що відбувається на наших очах, спонукає до висновку про те, що тепер нормальний розвиток України як і інших держав, передбачає визначення її місця у певному цивілізаційному просторі. Для нас це, умовно кажучи, східно-християнсько-євразійський простір, самовизначення в якому має бути таким що не заважає всебічному розвитку взаємовигідних відносин зв'язків з країнами Заходу, мусульманського світу та інших цивілізацій.

Але сучасне цивілізаційно-культурне положення України спрямовує її погляди в дещо іншому напрямку – західному.

Переростання зближення з Заходом в реальний процес інтеграції – є новим завданням, яке постає перед Україною.

Це надто складне завдання з огляду на деякі геополітичні чинники і сили, здатні послабити позиції України на шляху до європейського співробітництва держав.

Більш того, інтеграція України в Європейське співтовариство була б істотною перепорою для пострадянської російської зовнішньої політики, спрямованої на відновлення євразійської сфери впливу.

Другим чинником, що визначає Європейський геополітичний ландшафт, виступає регіоналізація економіки континенту. А щодо зовнішньої політики, то Києву слід усвідомити, що чітка геополітична орієнтація на Західну Європу не вимагає ізоляції від Росії. Інтеграція до структур безпеки Заходу, його

політичні і економічні об'єднання буде значною мірою сприяти розвитку української економіки, стане найбільш дієвим чинником що доповнює економічний аспект російсько-українських відносин.

Аж ніяк не відразу здійсниться мрія про загальноєвропейські політичні і економічні структури та про єдину систему безпеки України. Та попри все Україна має впевнено йти шляхом, що веде до об'єднання з Заходом.

Тут необхідно пояснити, що мається на увазі під словом "Захід". Це не просто географічне поняття і, зрозуміло, значно більше ніж переважно політично-військове об'єднання, як це сприймалося за часів Холодної війни. По суті Захід слід визначити сьогодні як передусім дуже гнучку (хоч, слід визначити, не зовсім довершену) модель суспільно-політичного розвитку, суттєвими складниками якої є демократична форма правління та вільна ринкова економіка у загально прийнятому розумінні цих термінів. Якщо говорити про ситуацію в цілому, то орієнтація України на Захід відчувається, здається, первісно в структурах виконавчої влади, що знаходить зрозумілу підтримку у Західній Україні, Києві та серед деяких прошарків населення.

За таких обставин, нелегко бути оптимістом щодо далекого майбутнього України. Незалежно від того, які б могли бути миттєві економічні вигоди від такого напрямку розвитку.

Навряд чи легко можна спростувати докази на користь суверенної України, чия внутрішня і зовнішня політика має чітко виражену орієнтацію на Захід. А по-друге оскільки, як добре розуміли В.Ленін, М.Горбачов, без України не може бути Радянського Союзу, то так само і СНД без України не зможе перетворитися у загрозливу імперієподібну структуру. По-третє, послідовна орієнтація на Захід сама собою примусила й Росію краще проаналізувати свою власну внутрішню і зовнішню політику. По-четверте, внутрішньополітичний курс на безперервне і послідовне здійснення ринкових реформ буде, безпечно, все більше зміцнювати зв'язки між Україною і Заходом, а це полегшить українській дипломатії ведення переговорів щодо оформлення інтеграції. По-п'яте, і це найважливіше, історія свідчить, що західна модель суспільно-економічного розвитку пропонує найефективніші засоби реалізації потенціалів населення України.

Підводячи підсумок, треба зауважити, що орієнтація України на Захід буде сприяти консолідації українського суспільства та подоланню внутрішніх міжрегіональних протиріч. Євразійській вибір сприяє розладу та дестабілізації суспільства. Геополітичний вибір витікає та тісно пов'язан з цивілізаційно-культурною ідентифікацією України тому, що Україна входить до Західного культурного-цивілізаційного ореолу, і це перш за все зумовлює її вибір геополітичних стратегій на сьогодні.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИРАЖИ ГЕОКУЛЬТУРЫ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА

И. В. Шеховцова

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Анализ политической идеологии, как сложного международного явления, предполагает определение исходного рубежа, точки отсчёта её возникновения. И существующее множество истолкований не позволяет выбрать единый подход к вопросу.

Если трактовать политическую идеологию антропологически, как естественное свойство человека, как определённый стиль мышления, психологи субъекта, то можно обнаружить её признаки с незапамятных времён истории развития человека. Сторонники отказа от исторического подхода находят те или иные идеологические идеи и ценности у мыслителей древних цивилизаций, обращая свой взор на философов Древней Греции и Рима, Древнего Востока. Однако, по мнению В. Валлерстайна, только Великая французская революция явилась социально-экономической, политической и духовной предпосылкой для возникновения традиционных политических идеологий, классическими из которых являются консерватизм, либерализм и социализм.

Как считает И. Валлерстайн, хотя нынешняя мир-система не единична, однако именно она первая организовалась в форме капиталистической мир-экономики (КМЭ). Четыре столетия проходило её становление и к концу XIX века КМЭ охватила весь земной шар. Возникнув в период «долгого 16 столетия» в Европе, она распространилась по всему миру.

Стремление к накоплению капитала развивало разделение труда, трансгосударственные товарные звенья, семью в качестве экономической единицы, идею суверенитета. Но необходима была объединяющая *геокультурная сила*, которая закончила бы процесс формирования новой мир-системы. И Фран-

цузская революция выработала последний штрих нынешней модели мир-системного развития, заключив его в рамки новой геокультуры. Революция мало что изменила в экономике и почти ничего в государственной структуре, но она изменила ментальность. Именно под ее воздействием были выработаны новые критерии легитимности. Возникло желание суверенитета. И если раньше символом суверенитета был монарх, то теперь им становится народ.

Идея народного суверенитета была очень заманчива, но она могла подорвать капиталистическую мир-экономику. Поэтому геокультура и возникла как реакция на эту идею. «Это было тревожное предощущение, что так или иначе «народ» ... поднимется взбунтовавшись, станет уничтожать и конфисковывать собственность..., приводя к власти людей, которые станут править, не проявляя уважения к таланту или инициативе» [1, с.5].

Сопротивление этому начало проходить в трёх институционных сферах:

1. в создании идеологий;
2. в перестройке системы знаний;
3. в ограничении антисистемных движений.

При рассмотрении идеологий И. Валлерстайн значительное внимание уделяет консерватизму, либерализму и марксизму (социализму). Взаимоотношения между этими идеологиями сыграли, на его взгляд, основную роль в появлении современной геокультуры.

Возникнув, как реакция на Великую французскую революцию, данные три идеологии, с одной стороны, оформились в самостоятельные тактические стратегии; с другой стороны, имели тенденции к сближению в своих идеях.

С 1977 года по 1830 год консерватизм выступал на страже охраны вековой мудрости, порядков, монархии, церкви. Государство, которое отходило от этих традиционных групп, рассматривалось консерваторами как источник порока. Однако после 1830 года, когда начали завоевывать популярность либеральные идеи, консерватизм несколько меняет свой подход к охране традиций. Оказавшись перед угрозой потери авторитета в обществе, он начинает вести политику «разумности в изменениях», защищать идею их минимальности.

Либерализм возник как противник консерватизма. Подхватив просвещенческую идею о прогрессе, либерализм оправдывает все изменения как таковые. Однако он упускал степень необходимости в них. И если в вопросе суверенитета консерватизм открыто стоял на позиции монарха, то либерализм чёткого подхода не разработал. Допуская идею народного суверенитета, либералы опасались анархии в обществе. Поэтому они выступали за распространение образования в государстве, которое предоставит руководство технократам. Именно профессионалы станут гарантом рациональности.

Такое двусмысленное отношение к народному суверенитету не позволяло либерализму быть в полной мере «политической религией народных масс». К тому же стремление к реформам сближает либерализм и консерватизм. «После 1848 года существовавшие до тех пор расхождения между т.н. либеральными и т.н. консервативными политическими силами радикальным образом уменьшаются, по мере того как те и другие сближаются на основе признания достоинств программы реформ» [1, с.6].

Поэтому сформировывается третья идеология, полностью соответствующая стремлению народа - социализм. Выдвинув лозунг политических изменений и достижение народного суверенитета (без монарха и технократов) она становится популярной. Социализм явился взрывом на политическом «затишье идей». Критикуя и соглашаясь между собой, консерватизм и либерализм забыли о народе, который незамедлительно подхватил идеи социализма. Но революция 1848 года явилась поворотным пунктом в истории трёх идеологий:

1. консерваторы узнали силу демократии, поэтому им необходимо было решаться на ограниченные изменения;
2. социалисты ощутили политические провалы из-за спонтанности, поэтому возникла потребность организации собственного политического движения, а отсюда и необходимость союза с либерализмом;
3. либералы стали отдавать предпочтение маневрированию между крайностями, осознав, что, пользуясь политикой консуса можно достичь успеха.

Отход от своих традиционных идей позволил консерватизму, либерализму и социализму искать путь сближения друг с другом во имя своего сохранения. К примеру, консерватизм и либерализм обвинялись социализмом в защите старых классов. Консерватизм высказывал опасение по поводу либерализма и социализма в их стремлении обманом завоевать общество, используя в нем перемены. Либерализм заверял, что только он, в отличие от социализма и консерватизма, является защитником личности в госу-

дарстве. Был создан некий треугольник, в котором позиции двух сторон могли в любой момент объединиться в борьбе против позиции третьей.

Чтобы доказать свою правоту, И. Валлерстайн обращает взор к вилсонизму и ленинизму, которые, по его мнению, являются иновыражением либеризма и социализма.

Первая мировая война поставила перед народом два варианта стабилизации общества:

1. самоопределение наций на уровне принципа общего избирательного права (идея Вудро Вильсона);
2. интеграция в межгосударственную систему и, как основа этого, государственный суверенитет и национальное освобождение народов (идея В.И. Ленина).

В этом случае, весьма характерно сходство между «национальной независимостью» и «национальным развитием», хотя это программы противостоящих идеологий. Разница наблюдается в методах осуществления, а не в содержании. Тактика лавирования, консенсуса, компромисса позволило сохранить XX веку либерализм, консерватизм и социализм. В борьбе друг с другом они проиграли и побеждали, но не исчезали.

Такой подход к идеологии позволяет И. Валлерстайну заметить, что стратегия «политического согласия», присутствующая в сфере политических идей ведет к пониманию сущности либерализма. Именно последовательность, дозированность реформ, которыми в XX веке пользуются социализм и консерватизм, позаимствованы у либерализма. Благодаря этим обстоятельствам, была наконец-то и создана геокультурная основа современной мир-системы.

Наличие либеральной геокультуры позволило поддерживать в мире равновесие. Однако события – «мировая революция» 1968 года, - явились поворотным пунктом в развитии современной мир-системы. Волна антисоветских выступлений в Восточной Европе, выступление студентов во Франции, энергетический кризис в мире стали сигналом грядущего упадка современной мир-системы. 1989 – 1991г.г. И. Валлерстайн считает поворотным пунктом в современной эпохе: во-первых, заканчивается 200-летний период либерализма (1789-1989 гг.); во-вторых, начинается эпоха локальных конфликтов и масштабных военных действий.

Падение социализма привело к кризису и либерализма, а это, в свою очередь к распаду современной конфигурации миропорядка, а также кризису господствующей либеральной геокультуры. Поэтому И. Валлерстайн заключает, что «прошлое – это время надежд, а теперь – время отчаянья». Свободолюбивые идеи стали слишком ложными и обманчивыми, а общество почувствовало, что их сущностью является приручение рабочего класса. Для этого и необходимы были захватывающие лозунги о всеобщем избирательном праве, государственном суверенитете, всеобщем благосостоянии.

Начинается обратное движение на 200 лет назад, когда Великая Французская революция выродилась в империю Наполеона Бонапарта. И если Никсон любил повторять: «Мы все - Кейнсианцы», то Буш уже проводил избирательную кампанию против «либерального мира». Подобно О. Шпенглеру, предупреждавшего в начале XX века о появлении цезаризма, И. Валлерстайн на исходе XX века опасается нового призрака в Европе. Он будет иметь те же проблемы, что и уходящая эпоха большой геополитики: 1) сочетание огромных материальных и технических достижений; 2) социальная поляризация населения. Однако он не будет таким грозным, как коммунизм. Либерализм погиб с крушением социализма. Остался лишь консерватизм. Ослабление моральных устоев и кризис выживания позволяют консерватизму стать одним из механизмов спасения человечества. Отсутствие оптимизма и недоверия к государству послужило благоприятной почвой для этого. Как и И. Шпенглер, И. Валлерстайн не видит иного выхода, как смирение. И он призывает только к одному: сделать очевидным тот исторический выбор, который всем нам необходимо сделать.

Литература

1. Гаджиев К.С. Политическая философия. - М., 1999.

Розділ III

Соціологія

GLOBALIZATION AND THE HISTORICAL TRADITION, OR COL. PUTIN AS ANTI-GORBACHEV

Georgi M. Derluguian

(Northwestern University, Evanston, Illinois, USA)

The propagandistic interviews and reminiscences of the new Russian president, especially the earlier and rougher versions which have appeared during the last March's electoral campaign, quite candidly indicated that the personal trajectory of Vladimir Vladimirovich Putin developed like a lucky pin-ball game. Until recently it was an averagely successful career pattern typical of so many Russians who came of age during the placid Brezhnevite seventies, the time of superficial conformism and the pragmatic pursuit of personal prosperity. Mr. Putin himself is apparently startled more than anyone by the sudden jolt that propelled him to the helm of Russian state. Instead of indulging in the new Kremlinology of guessing Mr. Putin's personal traits and affinities, it would be more productive to focus on the evolving Russian history within the world-systemic context. The journalists could not fail to notice the portrait of Peter the Great over Putin's desk. The icon of Russia's Westernizing tsar is intended to convey a straightforward message. Let's play on it.

The Russian catching up cycles

In the Russian historical trajectory state-making always prevailed over capital accumulation. This was not a choice of strategy but rather the organizational adaptation dictated by the geographical and geopolitical environment of Russia. Hence what elsewhere was a chief capitalist function < the continuous creation of production bases with the attendant labor controls and distribution networks > in Russia traditionally remained the concern of state rulers.

The origin of Russia's production concerns was predominantly external. It was rooted in the geopolitical competition with the increasingly capitalist West. Russia often looked lagging behind and thus in the dire need of catching up. This situation was hardly exceptional. All the formidable territorialist organizations of modern times, be it the Ottoman empire, Persia, China, Japan, or Spain, perennially faced similar challenges and constraints. The positional similarity of these countries resulted in the comparable split nativist/Westernizing cultural reactions and attendant political struggles, the periods of impasse and stagnation intermittent with the bouts of reform and revolution. Before the current market globalization the general trend was towards strengthening the state and thus living up to the ever more daunting Western challenges.

The key advantages of Russian state were its relative cultural and geopolitical proximity to Europe, plus its sheer size and resources. In the past these advantages helped Russia to remain an inordinately successful catcher up serving as a model for emulation. Geopolitical and military parity with the West was achieved three times: in the reign of Ivan IV "the Terrible" in the 16th century, Peter I "the Great" in the 18th, and Stalin in the 20th century. All three historical successes came at the cost of horrendous state coercion. The population of Russia has been fast growing until after 1945 which allowed its rulers to treat the waste of millions of lives as part of the state-making equation, mere demographic "statistics" in the expression attributed to Stalin.

With the end of Cold War and the manifest redundancy of Soviet superpower enterprise, Russia is once again at the historical nadir. Can we expect another bout of statist reorganization leading to the restoration of Russia's geopolitical preeminence? The intent is betrayed by the current invocations of Peter the Great (who at least looks more attractive than Stalin or Ivan the Terrible.) It is, however, essentially a wishful mood unsubstantiated by any political program. The problem is more profound than Putin's personal emptiness or his need to create the functioning political alliances. The impasse stems from the nagging question whether Russia's geopolitical restoration is at all a possibility given its decaying population, the strategic nuclear stalemate (or what security specialists sarcastically call MAD mutually-assured destruction), and moreover the global context of cosmopolitan capitalism that seems to leave no rationale for the imperialist exploits of past epochs.

Globalization, the market unification of ecumene

The current globalization is more than ever premised on decoupling the extraction of profits from the burdens of statehood. Although capitalism is cosmopolitan by its nature, historically the men of

money depended on the men of swords (the statesmen) for the protection and aid in creating the infrastructural conditions insupportable by the individual capitalists. This was so in the Age of Discoveries, when the Genoese bankers subsidized and trailed the maritime expansion of the Iberian Catholic monarchies. Still in the previous globalization of the 19th century, or *Pax Britannica*, the access of investors to all the exotic places on the Earth had to be secured by the colonial armies and administrations which taxed and educated the natives, laid the rails and telegraph cables.

Today global investors enjoy the choice of nearly two hundred national states competing to attract them. The modern governments, especially in the non-Western countries, must assume the costs of upgrading the infrastructure, training the labor, providing the welfare safety nets, and overall guaranteeing the foreign-owned assets and securing the enclaves visited by extraterritorial market operators. The promising learners are offered tutoring and stipends from the global monitoring agencies such as the World Bank plus the spate of NGOs which inherited the noble and naive causes of the missionaries. The unruly and the laggards are punished by marginalization and starvation.

The world-systemic regime of this kind no longer requires formal imperial administration. Yet contrary to the over-hasty predictions, the national states are far from being superseded. They still remain the essential supporting structures of world system. The change rather occurred in the balance of relative power between the states and markets. Among other seminal consequences this change means that war becomes a dubious way of accruing power. (Which seems a better grounded analysis than the foggy proposition of democratic peace.) By extension, the traditional idea of revolution as the mass-supported forcible seizure of state offices has been invalidated < the markets escaped too obviously beyond the reach of national governments, especially the weaker non-Western ones. (Hence Fukuyama's even foggier "end of history" metaphor.) The global regime of liberalized markets emerged from the world political and economic turmoil of the 1970s and the 1980s. The current great transformation began with the severe crisis of the US superpower, while the USSR was still prospering. In 1968 the American state suffered the military humiliation in Vietnam alongside the massive wave of domestic protests, both pro-democracy and ethnic. The desperately misguided attempts of Nixon's administration to bolster its political power and the US economy spectacularly backfired in 1973-75. Subsequently the US had to give up on the economic and social mechanisms of regulation that dated back to the Great Depression and the Second World War.

In the attempts to overcome the crisis of the early 1970s, America used its hegemonic position to marshal the re-sources of its numerous allies and client states. In the mid-1980s the American-led thrust to demolish the economic barriers imposed by national governments was first called the globalization. The hitherto reigning model of nation-ally-bound economic growth and industrial organization (Fordism) was politically invalidated. Nonetheless we should be warned against the fashionable claims that bureaucratic regulation was replaced with the flexible start up firms and self-leveling markets. The centers of bureaucratic control rather shifted from the national governments to private and international bureaucracies, much less open to the public political pressures, while the intra-elite interactions evolved (or reverted) towards the less formal networking, indeed more flexible in a rapidly changing environment and also more opaque from the popular standpoint.

In the two decades of experimentation with the new types of governmental and corporate policies and the search for the rising economic sectors in the newly industrialized countries and in the new advanced technologies, there emerged the new political-economic regime that different schools of analysis dubbed post-Fordism, flexible accumulation, or globalization. The collapse of the Soviet Union removed the last trappings of post-1945 geopolitics and thus made the global transformation ready to take off.

The regime of market globalization will endure as long as its three main conditions are being met: the newest economic expansion goes on; the US-led alliance maintains its military and political monopoly; and the social disruptions produced by the market operations are kept under the check of welfare/policing or externalized to the non-core areas. We may probably give the globalization another 20 years or so. That is if no world catastrophe occurs earlier or, conversely, unless the globalization transforms itself into something more durable, sustainable and capable of generating higher consumer demand and popular optimism in the currently depressed vast stretches of the world like the former Soviet bloc and most of Third World. This, however, is unlikely to happen without another and so far inevident shift in the patterns of world governance, so let us count on the 20 years scenario or probably less due a possible catastrophe which may well be caused by an alienated Russia.

The undoing of rigidities and constraints of the post-1945 period, which was experienced by the United States as the regime crisis, brought complete ruin to the Soviet state. America was much wealthier and institutionally robust. Its Soviet rival two decades later would succumb to very similar pressures: the humiliating stalemate in the war against Third World guerrillas (Afghanistan) and the wave of pro-democracy and nationalist protests (starting in Poland in 1980), followed by the grave divisions within the Communist ruling elite, and the economic crisis arriving after several decades of prosperity that the rulers had pledged to perpetuate. The Soviet Stalinist model of military-industrial mass production (inspired by the same American Fordism) has collapsed altogether, and its severed fragments remain comatose for now a decade.

In the recent reorganization of capitalism the world's militaries and the purveyors of armaments were the net losers, though of course to vastly different degrees. The Russian state faces such grave dilemmas in this world because its major assets and traditional orientations were drastically devalued. Capitalism in the globalization mode is antithetical to the mercantilist bureaucratic empires that specialize in maximizing the military might and geopolitical advantages the very pursuits in which the Russian and Soviet rulers have been enmeshed for centuries.

The millennium of state-making success

Let us recapitulate what we know as the course of Russian history. A thousand years ago the groups of roving racketeers (Viking or Steppe nomad) established the monopolistic bottlenecks on the major waterways linking the tribal peripheries of northern Europe to the centers of ancient civilizations in the Mediterranean and the Middle East. This was the main pattern of early state formation in the Northern Eurasia expanse stretching from the Atlantic and the Baltic sea to the Turkic Bulgaria (future Tataria) on the Volga river, with the composite Scandinavian-Slavic entity of Kievan Rus somewhere in the middle. The geographic alignments along the major waterways structured the sub-sequent import of core civilizations' religious and state-building models by the barbarian peripheries. The Latin Christianity spread along the western shores of Europe; the Turkic nomadic chiefs of the Caspian-Volga basin adopted Islam from the Baghdad caliphate, while the imperial Byzantine Orthodoxy traveled across the Black sea up the Dnieper river to the lands of Kievan Rus.

The Mongol conquests in the 1200s disrupted this geopolitical configuration. The new tide of nomadic cavalry devastated the already declining civilizations of Central Asia and the Near East. The ruins were then girdled into the purely parasitic tributary scheme of the Genghis-khan's successors. A century later Moscow emerged as a far-off captive ally and diadoch of the rapidly decaying Mongol scheme. With some luck, cunning and ruthlessness, that characterized all successful states in this brutal period, the princes of Moscow first wrestled from their nomadic over-lords the power to retain a larger share of collected tribute, then slowly proceeded to enlarge the tributary base at the expense of similar competing units.

By the late 15th century the inconclusive feudal warfare turned into the outright destruction of rivals by Moscow: the principality of Tver, the urban republics of Novgorod and Pskov, the Tatar khanates of Kazan and Astrakhan. In the course of these struggles the old pattern of occasional raiding by feudal retinues was transformed into the systematic warfare and permanent occupation by standing armies. The winners were those who centralized faster and more ruthlessly, grabbed more lands and subjects, extracted more resources and thus proved better positioned for acquiring the costly and devastating new weaponry the guns.

At this time the differences in institutional design between the emergent Russian state and the emergent capitalist West is first described in the terms of cultural chasm. Consider the colorful statement of a sixteenth-century English observer: "*Wilde Irish are as civil as the Russies in their kind, Hard choice which is the best of both, each bloody rude and blind.*" [1, p.190].

Yet Russia was obviously much bigger than Ireland and, luckily, also remoter from England. It furthermore inherited from the Byzantines the resilient imperial model which in the mid-1500s played a crucial role in the first revolution from above in Russian history the transition from loose feudal confederacy to the centralized autocracy reliant on the new standing army of *dvoriane* cavalry and the musket-armed *streltsy* infantry. Russia thus emerged in the front ranks of early gunpowder empires, organizationally akin to its unacknowledged half-brother of Byzantine inheritance the Ottoman Turkey [2].

The long-standing ideological aberration regards the infamous period of terror (*oprichnina* in the later reign of Ivan the Terrible as the necessary means of state-building, supposedly ingrained in the Rus-

sian tradition. The epoch was rich in the absolutist tyrants like the Ottoman sultan Selim the Grim, lord Hideyoshi of Japan, or the English king Henry VIII. Nonetheless the chaotic reprisals of Ivan's *oprichniki* defy the historians' attempts to find a cumulative logic of class warfare or state-building calculations. The Russian autocracy arose *before* the terror. It is the new state apparatus that rather enabled the madness of *tsar* Ivan to rage unchecked with the lasting damaging consequences to the nascent state. The old *boyare* aristocracy appeared the chief victims due to their visibility and simply the wealth to be looted.

By the mid-17th century it became apparent that the standing armies had to be matched by the regular navy, and the expanded military apparatus must be rationally managed by the regular corps of military and administrative officers. Peter the Great is kept responsible for bringing the empire to the contemporary level of Western-dictated standards, which enabled Russia to maintain splendid parity in the following hundred years. The Peter-centered accounts of Russia's Westernization usually overlook the fact that Peter anchored his reform by heavily investing the significantly (nearly ten-fold) enlarged ranks of state dependent nobility in the new careers and ways of life. This created a robust social carrier for the new absolutist edifice, but, in Georgi Fedotov's expression, it also split Russia into the thin nation of Westernized lords and the predominantly peasant Muscovite people (*narod*). This profound split would persist almost until the mid-20th century, when it was eradicated in the calamitous social homogenization of Soviet populace produced by the Civil war and Stalin's great leap forward.

The chief contradiction resulting from the Petrine reform was the monarchy's fundamental obligation to sustain the socially prescribed consumption of Westernized service nobility. The generous grants of lands and bonded peasants during the reign of Catherine the Great brought splendor and cohesiveness to the new absolutism. But at the same time this depleted the reserves available for the future generations of Russian lords. The core of Catherine's benevolent policy was the state fostering of domestic markets and export outlets for the cash-crops generated in the aristocratic estates, which went alongside the legislation of serfdom increasingly looking like plantation slavery. Expectedly, in the 19th century Russia begins to experience the problems typical of the peripheral plantation economies the increasingly unfavorable trade balances aggravated by the massive imports of luxury goods, general economic and technological inefficiency, constraints on the development of domestic entrepreneurship, demoralized and immiserated peasantry.

The political reaction first came from the younger top aristocrats who vaguely sensed the problem (which they mostly blamed on the inertial and corrupt absolutist bureaucracy) and felt inspired by the French revolutionary ideas. The Decembrist mutiny of 1825 closely paralleled the contemporary Liberal conspiracies in Southern Europe the protest of young gentry, germinating in discussion clubs and officer mess, who demanded to open the careers to (their own) talents. The aristocratic rebels intended to use the state power to legislate the progressive Western norms. But the Russian state, unlike the Iberian monarchies, emerged triumphant from the Napoleonic wars and could still repeatedly batter the Poles, the Persians and the traditional enemy Ottoman Turks. This advantage allowed it to quell the disgruntled aristocrats and maintain the militaristic conservatism of Nicholas I for a whole generation.

Only the humiliations of the Crimean war (1853-56) clearly signaled that the 18th century Petrine model of Russian absolutism became dangerously obsolete in the age of British industrial imperialism. Russia once again faced the prospect of catching up. This time, however, it was necessary to rehash not just the state apparatus or the ruling elite but the whole economy and society [3].

The intelligencia, created by the reforms of the 1860s, were the professionally educated specialists destined to lead the new modernization of Russia. This rising elite was immensely conscious of its great patriotic mission yet frustrated by the inertia of imperial bureaucracy and competition with the entrenched nobility. Meantime the world economic depression of 1873-96 busted the growth of independent Russian bourgeoisie that began to emerge and thrive in the late 1850s and the 1860s [4]. It is nonetheless plausible that the financial crash of 1873, as else-where in the West, produced not so much the slow rates of growth as the erratic rates of profit, huge booms followed by enormous busts almost annually. To the owners of capital this must have been very scary, and hence everywhere they sought to protect themselves by institutionally harnessing the markets, by seeking the protection of each other in cartels and trusts (the US way), or by claiming the protection of national state (the German way). In Russia mostly likely by seeking bureaucratic patronage. Consider the phrase from Ostrovsky's classical play: "Your Excellency, but how can you imagine a railroad consortium without at least one general on the Board?!" Notice that in the Ottoman state the heady reforms of the 1860s were also followed by nearly four decades of reaction, known as "zulum" or "the age of oppression".

By default the Russian intelligencia became the main source of political contention.

The classical late 19th century Russian intelligencia in most instances found itself stuck between the absence of opportunities to directly contest the political power (for the autocracy remained too strong) and, conversely, the lack of openings to establish the comfortable autonomous existence of Western professionals (for the capitalist markets remained too weak to absorb a large number of lawyers, doctors and technical specialists). This double constraint channeled the energies and frustrations of Russian intelligencia into the artistic and philosophical pursuits, hotly debating the spate of reform programs, and performing the Quixotic acts of heroic despair. In its turn the autocracy, caught in the tangled conflicting pressures, mostly resigned to inaction or at best very partial reforms. Only the third generation of Russian intelligencia would get the chance to break out of its ghetto at the opening of the 20th century, when the autocracy once again began fighting and losing wars with the resulting loss of confidence, fiscal crisis and popular disturbances.

After the "dress-rehearsal" of 1905, several intelligencia-made political parties came to power in March 1917 amidst the war-time state disorganization and rural unrest. The winner was the tightly centralized radical party that managed to quell the peasants and rebuild the state while fighting the (largely self-provoked) Civil war, incorporating various national movements and in the end effectively reconquering the former imperial territory [5].

At the point of their unexpected victory the Bolsheviks realized that their hopes for the socialist revolution in the developed West were over-hasty, and that nowhere in his writings Karl Marx left the recipe for functioning socialism, least of all in the predominantly agrarian country like Russia. In the ensuing disarray the leadership went to the least educated and thus perhaps the most adaptive of Bolshevik chiefs. Stalin used Marx's rhetoric and the eschatological vision, but in the practical matters of state-building he rather relied on his own intuition and the example of other Germans Bismarck and Ratenau. Needless to say that Stalin also shared the common prejudice that the Russian (or any other) peasants could not be treated as the disciplined Germans.

The 1929-1934 Stalin's "revolution from above" effectively combined a brute adaptation of the German military mercantilism with the dictatorial institutions forged in the Russian Civil war. The Party cadres, disheartened during the interlude of NEP and Bolshevik factionalism, felt suddenly inspired and flattered to lead another epic struggle. The struggle this time was mostly against the very laboring classes and nationalities whose interests the Bolsheviks were supposed to represent, but the vanguard that harnessed the laws of social motion obviously felt entitled to suppress the "backward elements" who did not realize the direction of history. These terroristic revolutionary cadres would mostly perish in the subsequent Great purge and become replaced by the obedient bureaucrats. The indistinguishable dull faces in the Brezhnev-era Politburo were those promotions of 1938.

The outcome was the dictatorial state best suited to conducting the heroic war-like campaigns to achieve the strategic outcomes regardless of the human and material costs. Its validation and symbolic legitimation was in vastly outproducing the Nazis in tanks and airplanes, and later matching the Americans themselves in nuclear weapons and missiles. Within the lifetime of generation, the decrepit agrarian empire was transformed into the nuclear super-power.

The military achievements of Soviet state would not be possible without a better educated and predominantly urban population. The scale of social mobility and cultural change, experienced by the Soviet citizens who came of age and survived through the Stalinist modernization, was indeed unprecedented. Millions of Russian and non-Russian peasants were recast into the industrial employees living in the cosmopolitan urban environments. This transition induced in the younger cohorts the feelings of genuine optimism, loyalty to all things Soviet, and the willingness to participate in the socioeconomic expansion. The resulting social homogenization was widely presumed the test-able proof of Marxist-Leninist predictions regarding the arrival of truly communist society devoid of social classes and the trappings of national identity. For the "late developer" like Russia these were incredible feats. They seemed to many indeed worth the sacrifices and elicited the native emulations among the intelligencia-like elites of other weaker states. For a while this produced the impression that the Soviet model was becoming an historically ascendant alternative to the capitalist hegemony of the West.

The high point arrived during Khrushchev's rule when the post-war recovery and the partial demilitarization of Soviet economy resulted in the high rates of economic growth and a significantly larger share of civilian investment. The originally purely military program of orbital flights became the period's symbol of triumphant scientific progress. Most importantly, the subordination of secret police to the Party

bureaucrats and the debates within the political leadership regarding the future direction of Soviet experiment opened the way to all kinds of cultural and social aspirations (the so-called "Thaw").

The Party *apparatus* immediately and quite rightfully felt threatened by the youthful enthusiasm of "*shestidesyatniki*" (the "sixtiers") who generally were too young to directly suffer from the Stalinist terror but remembered the heroism and the elation of 1945 and entered the adulthood in the optimistic expansive conditions of the 1950s. Their grandiose projects and romantic expectations were thoroughly socialist or at least politically neutral (the emblematic song of the period promised the blossoming apple trees on Mars). Nonetheless such tendencies were objectively subversive of the stolid and hypocritical realities of Soviet paternalistic bureaucracy.

The nomenklatura used all its power to abort the nascent youth movement. But the Soviet ruling elite no longer had genuinely heroic goals or ideology to offer. By default they opted to promote the Philistine taming values of consumerism and personal comforts. Such a blatant departure from the Marxist-Leninist ideology had to be endorsed in deed, while ritualistically being decried in word, which instilled the atmosphere of cynicism. The conservative paternalistic compact, however, could be sustained as long as the contemporary American crisis provided a soothing positive contrast to the Soviet stability and prestige. Additionally, the windfall of petrodollars after 1973 served to subsidize the Brezhnev-era consumerism and the symbolical superpower pursuits in armaments, space, and buying the external clients.

The bureaucratic apparatus, relieved after 1964 from Khrushchev's rambunctiousness, has settled into the comfortable routine and elaborated a set of formal and informal defenses against change. Already in the late 1960s the Soviet failure to race up Americans to the Moon and the increasing gap in the development of latest electronics clearly pointed to the looming troubles in the most sensitive areas of symbolic superpower competition and the arms race. But, significantly, the Soviet rulers did not resort to the mobilizing campaigns in order to catch up. The bureaucratic apparatus was now sufficiently entrenched to resist such troubles.

Meantime the Soviet economic growth and social mobility came close to zero. The ensuing disillusionment, pervasive hypocrisy and individualistic opportunism had an immensely damaging effect on the Soviet citizenry. Although largely unseen and unmeasurable by common social indicators, the Brezhnev-era decline in work ethic and civic morality became a major structural antecedent of the post-communist morass.

"The heavy artillery of cheap goods battering any Great Walls"

After 1945 the Soviet state designed for the war-like campaigns and the mass production of industrial-age weaponry entered a long period of peace in which it found itself confronted with the tasks most unnatural for such an organization namely, the cost-efficient, flexible and uninterrupted production and distribution of consumer goods and services. In this the Soviet failures are notorious albeit exaggerated. The leap in Soviet mass consumption between 1945 and 1975 was arguably tremendous. But why was it perceived so imperative and why did it fall so short of expectations? These are the key questions in explaining the Soviet collapse and its muddled aftermath.

The clue lies in the major consequence of Stalinist model the rapid transformation of peasants into the urban wage laborers employed by the vast monopolistic organization, the Soviet state. By breaking up the largely self-sufficient peasant households and pouring its desegregated members into the new molds of Soviet industry, bureaucracy and the military, the State had to assume the responsibility for catering to all aspects of its employees' social and physical reproduction: from health, education and welfare to food and clothing to sports and leisure.

The Cold War competition played a hugely aggravating role. Besides the largely impassioned but exceedingly costly arms race and the symbolically important recruitment of the external client states and movements, the Soviet leaders had to deal with the mighty and consciously propagandistic demonstration effects of Western consumption patterns. Their attempts to curb the flow of cultural information from the West were futile not simply because of the mass communications technology. The Soviet leaders themselves (and even more so their children) proved eagerly susceptible to the temptations of capitalist lifestyle. Power, after all, carries the seduction of enjoying its material fruits.

Furthermore the urban concentrations of homogenized and educated wage-earners always create the potential for the collective claim-making (as shown by the Novocherkassk strike of 1962, or the movements of new intelligencia ranging from the seemingly inoffensive infatuation with the songs of Vladimir Vysotsky or the prose of Hemingway to the tiny but vociferous dissident circles.) When the open collective action is unlikely, the wage-earners still have plenty of "weapons of the weak", from the

outright theft and unofficial redistribution of goods and services to the tacit decreases of their labor efforts. Those who believe that shoddy productivity was an exclusively Soviet malaise may have another look at the quality trajectory of American automobiles. The Soviet state, however, excluded the discipline and accountability instilled by the market competition, which overall rendered the organization particularly wasteful and inertial.

Since the political de-Stalinization of the mid-1950s (which was the collective liberation of ruling bureaucracy from the terror of violent removal) the Soviet leaders have been toying with various surrogates of market discipline and accountability. The reform attempts culminated in Gorbachev's perestroika that in its first phase questioned the central controls and then spectacularly failed to move into the second phase of installing the competitive mechanisms in politics and economy.

The perestroika came too late, amidst the increased geopolitical pressures, advanced economic decline, administrative ossification and social demoralization. But let us not ridicule the aged, embittered but still stubbornly romantic "sixtiers" who finally got their opportunity in Gorbachev's movement. They stood no chance of salvaging the Soviet Union. But they likely spared us the more catastrophic pattern of imperial demise, for without the reform communists (and the military's humiliation in Afghanistan) the last rulers of the USSR could be the conservative radicals evolving as the state was crumbling down into the outright reactionary chauvinists like Serbia's Milosevic.

Implosion from the middle

The Soviet Union was not brought down from without < presumably by the West, that in fact stood watching in amazement. It was undermined neither from above nor from below. It rather imploded from the middle and fragmented along the institutional lines of bureaucratic turfs. The collapse occurred when the mid-ranking bosses felt threatened by Gorbachev's unreliability from above and sometimes pressured by their newly assertive subordinates from below. The 1989 in Eastern Europe provided the demonstration prod.

The particularly cynical apparatchiks of the already decomposed Young Communists League (Komsomol) led the way. Following them were the governors of national republics and Russian provinces, senior bureaucrats of economic ministries, and all the way down to supermarket managers. As in many declining empires of the past, the vile servants emboldened by the incapacitation of emperors and frightened by chaos, rushed to grab the assets that laid nearest to them. Typically, they were helped by the enterprising nimble personalities ranging from the self-styled yuppie imitators (what Ivan Szelenyi wryly called "comprador intelligencia") to former black marketers and outright gangsters. The luckiest few from this motley category would become the celebrity post-communist tycoons.

The grabbing privatization (*prihvatizatsia*), fortunately perhaps, normally stopped there. With the removal of organizing central stem the Soviet pyramid of power fell into segments and remained in this awkward position. The former nomenklatura sought to assert their property rights de facto and de jure, but in the absence of effective state institutions succeeded quite imperfectly. Quite rationally in such a situation, some nomenklatura capitalists attempted to liquefy their fixed assets, often at horrendously cannibalistic costs, and transport the loot to the rapidly proliferating off-shore zones abroad. (Cyprus became the favorite destination of Russian as well as Yugoslav embezzlers.) This was the source of much criminal violence and corruption scandals of the 1990s. Many others in the lack of viable alternatives and exportable assets resumed their Soviet-era practices with the minimal ad hoc adaptations to the generalized decline. The mass of post-Soviet population, caged in their socioeconomic environments, to the best of their resilience and inventiveness perpetuated their daily and life cycles: reporting to work, sending the children to school, taking vacations, in general hustling to supplement the precarious incomes of their households with subsistence agriculture and petty trade.

Yeltsin's Russia at a closer examination felt much like Brezhnev's USSR, only smaller, more chaotic, unbundled and worse off. Most trends in the Russian society of the 1990s are traceable to the 1970s or before. No longer contained within the Soviet framework, after 1991 they simply came into the open. Historical sociologists call this systemic involution.

Anti-Gorbachev

The advent of Bonapartist dictator in Russia was the standing expectation of the 1990s. In 1994 Yeltsin vied for the mantle himself. The result was the First Chechen war. In 1996 Gen. Lebed made a hyper-energetic appearance, ended the war in Chechnya, and almost immediately succumbed to the pal-

ace back-stabbing. Gen. Stepashin demonstrated surprisingly strong intelligencia dispositions apparently reinforced by his guilty experience in the First Chechen War. This provoked an intestinal aversion among the Kremlin operators who rather gambled on the brooding hooligan Putin. The Second Chechen War was better orchestrated (or the Chechen warlords overtaxed the patience of their compatriots), and so here we are analyzing Putin's brutish discourse and, let's admit, mostly his inaction. But we probably know enough about the constraints which the new Russian president faces, and Putin's possible moves, admitting for contingency, are still calculable. In fact, almost too calculable because the constraints seem so stiff. Putin is a paradigmatic anti-Gorbachev he talks little, exudes masculinity and professional harshness, dislikes the media and parliament chatterboxes, praises the state farms and military-industrial complex, uses unrestrained force against ethnic separatists, and makes sounds to appease the West not before his subordinates produce an uproar.

Col. Putin served well the original purpose of his surprise promotion to cover Yeltsin's retreat. This mission was coterminous with beating back the opportunistic coalition of provincial governors who were posed to divide the spoils of what in 1999 seemed the imminent demise of Yeltsin's quasi-monarchy. Chechnya was selected as the beating boy. It was the first step in the re-centralization of Russian state. But the success now hinges on the promised pacification of Chechnya which appears ever remoter.

The common cliché presents Russia at war with the whole Chechen people for three centuries. It is a gross over-generalization. The bitter irony is that Russian bureaucrats under the tsars, Stalin, or Yeltsin invariably sought to rule this frontier tribal society in a harshly direct manner, the way they were used to. Maskhadov who was insistently offering Moscow to serve as surrogate governor of nominally independent Chechnya, fell the latest victim. The best outcome Putin can now hope for is the perennial blockade of the mountainous parts of Chechnya and the dispersal of Chechens in the internal diaspora. But diaspora breeds nationalism too, unless its leaders are assiduously bribed. The Moscow handlers of minority nationalists must be learning this imperial game now.

Fairly soon Putin will have to seek a distraction from the Chechen quagmire. Most likely it will be a massive anti-crime campaign. This fits Putin's profile and the recent trend towards squeezing the illegal providers of coercion from the protection market. The policemen on active duty or in the more lucrative private protection agencies will eagerly massacre their criminal competitors, while the Russian society surely wouldn't mind.

Far trickier will be the struggle to reign in the governors of provincial fiefdoms and the notorious economic oligarchs with their mechanisms of political corruption and media manipulation. These potentates may hold some poisonous weapons as the last resort against Putin. But the clash is unavoidable. Moscow can no longer rely on the external credits and therefore must wrestle back the internal resources. The battle will be ferocious, convoluted and, to say it mildly, extra-constitutional. The central ruler may probably win, the vested interests will perish or sue for peace. The Russian politics and media will become quite boring.

Some enthusiasts wishfully predict that in this case Putin would become the Russian Pinochet, which to them means the harsh midwife of liberalized markets. The pessimists fear an aggressive re-militarized Russia (the present condition of Russian military warrants a thorough remilitarization.) We shall see a bit of both, because neither the capitalist nor the imperial option is quite open.

Putin may become the founder of the IVth Russian empire, informal and more capitalist. The Russian capital begins to realize its common longer-term interest in staying confined to the former Soviet borders. The majority of Russia's enterprises are redundant to the world markets, and this condition will persist. Though cheaper compared to the West, the post-socialist labor remains too costly and undisciplined compared to the huge and widely available pools of the Third World. The former Soviet bloc is attractive to the Western corporations only as the large concentration of consumers. Meantime the big Russian capitalists will enjoy sufficient leverage to demand protection from their state. If the new class manages to consolidate itself around its state, it will certainly demand special preferences in the former Soviet republics too. But no further because the Russian state is too much down to aspire for more than establishing the military and commercial protectorates within the former Soviet frontiers.

If in the coming decade Russia re-militarizes and manages to build a new professional army (to which the current Chechen War seems conducive), we may yet see the emergence of mercenary Russia the state that undertakes, for a fee, the risks and the dirt of imposing stability in some of the nastiest geopolitical areas. If the markets won and globalization is to endure, the supply of military protection will

become a marketable commodity, as it in fact was in the early modern markets. Central Asia and Transcaucasia are the obvious applications, plus the Balkans, perhaps parts of Middle East and Africa, the Indian subcontinent, and the biggest worry of all: the China-Korea-Japan triangle. Everywhere the Soviet memories and the rising anti-Americanism can make the Russian military policing more attractive. The West will have to decide how to react, for a remilitarized Russia can be an even more effective provoker of potential conflicts.

In fact that would be very Russian indeed looking like Turkey or Mexico in the beginning, but then applying the state coercion to do things differently. It is what is usually described as the Pinochet or South Korea option, but their proponents forget that both Chile and the Far Eastern "dragons" jumped into the positions of semi-peripheral suppliers to the American consumer market. This is impossible for a country like Russia, including for the reason that there is already Taiwan, Korea and Chile.

If Putin ever emerges even moderately successful from his struggles, over the medium run (ten years or so) the likely outcome will be a protectionist, semi-authoritarian, inescapably corrupt but somewhat better off Russia commanding an unstable informal empire. The West certainly would not mind and shall continue to offer Moscow a degree of political and financial accommodation as long as this part of the world unnecessary for the global markets is kept under the lid. In fact, the West seems to have made its mind on Putin and his prospective agenda. The second Russian president will not exactly become the new Peter the Great. Let us at least hope he does not become just something his street jargon suggests.

Footnotes

1. Charles Tilly, *European revolutions, 1492-1992* (Oxford: Basil Blackwell, 1993).
1. The Ottomans, the chief bogey of the West before Russia, were several generations ahead in instituting the *sipahi* cavalry and the musketry of *janissaries* (from the Turkish "yeni cheri" the new infantry).
2. Incidentally, in the result of the same war Russia's closest kin, the Ottoman Turkey, embarked on its own bout of Westernization aggravated by the fact that during the 18th century the sultans failed dismally to emulate Peter the Great.
3. The depression of 1873-96 is a tentative explanatory claim, perhaps induced by the contemporary satirical works. The history of Russian bourgeoisie evidently had no sympathetic writers (least of all from among the intelligencia that zealously valued the ideological prestige and other forms of symbolical capital over the crass power of money).
4. Once again Turkey offers a useful parallel. After the defeat of Ottoman empire, the group of military intelligencia succeeded by repudiating the imperial past almost wholesale and mobilizing the peasantry for the patriotic defense with strong undertones of civil war. The new Turkish state adopted the same Bismarckian model of geopolitical mercantilism combined with the ideology of nationalist republicanism. Turkish officers, however, unlike the predominantly Marxist Russian revolutionaries, were ideologically inspired by the French republicanism and Durkheim rather than Marx.

LOCALIZING FLOWS: POWER, PATHS, INSTITUTIONS AND NETWORKS

D. Kalb

(Utrecht University, Netherlands)

Globalization is a complex and multi-layered concept and social phenomenon. In principle, it does not claim more than a geographic fact: that people and places in the world are becoming more extensively and densely connected to each other as a consequence of increasing transnational flows of capital/goods, information/ideas, and people. But any next effort at specification arouses intense debate. What is the relation between the three genres of items on the move? Is it a new phenomenon or not? What are its causes? What does it imply for the national state that had presumably become the pinnacle of the organization of social life in the postwar period - a "cordon-sanitaire", according to Arjun Appadurai (1996)? What about the civic rights that were enshrined in the constitutions and modes of operation of these states? What does it bring to presumably homogeneous national cultures? How does it relate to